

Ирина ЛЕВИТ

МЕСТЬ УДАЛАСЬ НА СЛАВУ

*За все нужно платить
и за все расплачиваться...*

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любимый детектив

Ирина Левит

Месть удалась на славу

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

Левит И. С.

Мечь удалась на славу / И. С. Левит — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-5279-6

Мечь одни считают страшным грехом, а другие – справедливым возмездием. Мечь – главная версия, которую выдвигает следователь Вера Грознова, расследуя убийство фитнес-тренера Виктора Марычева в сельском райцентре Кураевск. И вроде сразу понятно, за что отомстили Марычеву. И даже есть главный подозреваемый. Но... То, что поначалу кажется ясным, впоследствии может оказаться весьма туманным. Особенно если учесть целый ряд странных событий: за три месяца до убийства кто-то разбил в хлам новую машину Марычева, а до того – разгромил в городе склад винного магазина и сжег новый дом местного хирурга. Есть ли связь между всеми этими происшествиями? А если есть, то кто за ними стоит?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5279-6

© Левит И. С., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Левит
Местъ удалась на славу

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Серия «Любимый детектив»

*Серия «Любимый детектив» была удостоена
Премии МВД РФ в 2018 году.*

© Левит И.С., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Глава 1

Илья Семенович Возницын никогда не жаловался на бессонницу. Хотя мог бы начать: все-таки шестьдесят два года – это не двадцать два, когда здоровый сон оберегаем молодостью. Однако же в свои годы Илья Семенович вполне был доволен хорошим сном, который всецело соответствовал хорошему здоровью. Объяснял это Илья Семенович просто: вся его жизнь была связана со спортом. Нет, ни в чем конкретном он не отличился, даже до третьего юношеского разряда не дотянулся, однако же считался настоящим мастером – по части организации спортивной работы.

Еще будучи студентом сельхозинститута? Возницын возглавил спортсектор в комитете комсомола. После окончания факультета механизации вернулся в родной Кураевск, но распределение получил не по основной специальности, а в райком ВЛКСМ, инструктором по спортивной работе. Затем были райисполком, райадминистрация, где он все так же двигался по одной «беговой дорожке», а семнадцать лет назад Возницына назначили директором районного спортивного комплекса – только что реконструированного, но практически отстроенного заново.

Илья Семенович воспринял должность как заслуженное признание своих организаторских талантов. Как возможность, получив самостоятельное дело, развернуться во всю мощь своих умений и желаний. И он развернулся! Кураевский спорткомплекс считался лучшим среди всех в сельских районах области, да и городским мало кому уступал, а в кабинете директора целая стена была увешана грамотами и благодарностями лично Возницыну.

Несколько раз Илью Семеновича приглашали на работу в областное управление спорта, но он всегда ловко уворачивался, придумывая (дабы не вызывать отрицательных эмоций) исключительно убедительные отговорки. На самом же деле он предпочитал быть удельным князем, нежели мальчиком на побегушках при царском дворе, а самое главное – он любил Кураевск, где прожил почти всю жизнь, где у него было все обустроено, где он знал массу народа, где его искренне уважали.

Да, Возницына уважали. И за деловые качества, и за твердый, но в то же время легкий характер. А еще (не все, конечно, некоторые ехидно усмехались) – за принципиальную честность в отношении денег. Весьма ловкий по части добычи этих самых денег для своего спорткомплекса, директор ни разу не пустил ни одного доверенного ему рубля налево, а тем паче, не положил в собственный карман.

Одна история вообще лет шесть назад стала широким достоянием благодаря бригадиру ремонтной бригады, который разболтал о ней от удивления и где-то даже от злости. Бригаду наняли для покраски стен в большом спортзале, бригадир, мужик ушлый, определил расход краски по принципу «один пишем – два на ум кладем». Ну а кто точно проверит, объем работы приличный... Однако директор (вот зануда и крохобор!) блокнотик с ручкой вытащил и без всякого компьютера и даже калькулятора принялся в столбик считать, после чего выдал, что краску, конечно, надо закупить с запасом, но совсем не таким, каким бригадиру хочется. А через несколько дней зашел в спортзал с пол-литровой банкой, отлил триста миллилитров и со словами «жена просила малость» показал бумагу из бухгалтерии об оплате тех самых трехсот миллилитров. «И ведь фигня – деньги! – негодовал бригадир. – У нас же краска в большущих банках, ну плеснул бы и – все. Так нет же, не поленился, официально все оформил, заплатил, наверняка чтобы всем в морду ткнуть, какой он честный!» Те, кто Возницына плохо знал, пожимали плечами: в самом деле, чего уж так мелочиться? А кто знали хорошо, тоже пожимали плечами: ничего особенного, обычная ситуация.

Районное руководство (да и областное тоже) относилось к Возницыну с доверием, а потому его просьба провести комплексную финансово-хозяйственную проверку спортком-

плекса вызвала недоумение. «Последняя проверка проходила пять лет назад, а я хочу спать спокойно», – настаивал директор.

В общем-то он хитрил. Про свою финансово-хозяйственную деятельность все знал в деталях и ничего не опасался. Однако же имел вполне конкретный интерес, о котором, разумеется, помалкивал, считая, что всего лишь проявляет директорскую изворотливость – вполне, с его точки зрения, похвальную.

Накануне Возницын провел своего рода генеральную репетицию завтрашнего приема комиссии и вернулся домой в восемь вечера весьма довольный – и самой репетицией, и тем, что успел попасть под родную крышу до дождя, который начался спустя полчаса. Вообще-то дождь собирался весь день и тут наконец полил – обильный, по-осеннему холодный, в общем, противный. Однако Возницына это уже не беспокоило, как не беспокоил и предстоящий визит, и он со спокойным сердцем лег спать.

Однако же в районе двух ночи проснулся. От чего-то тревожного, царапающего острым когтем прямо в голове. Илья Семенович очень удивился, попытался поудобнее уместиться на подушке, закрыл глаза, но сон не возвращался. Бессонница – это было нечто совершенно новое и в некотором смысле пугающее. Особенно потому, что царапающий коготь явно возник не просто так, а как напоминание о некоем моменте, который непростительно забыт или упущен.

Илья Семенович уставился в темное окно, прислушался к ровному стуку дождевых капель о металлический карниз, принялся вспоминать все произошедшее за последние дни, силясь отыскать причину возникшей тревоги. Ничего не вспоминалось... И вдруг...

Не нынешним, а предыдущим вечером Возницын возвращался с работы и увидел перед распахнутой дверью запасного входа в спорткомплекс фургон, из которого двое мужиков выгружали ящики. Командовал ими Виктор Марычев, фитнес-тренер, выполняющий обязанности заведующего тренажерным залом.

– Здравствуйте, Илья Семенович! – помахал рукой Марычев. – Вот, привезли из города новые тренажеры. Пять штук, строго по списку. Сейчас в подсобку занесем, а уж завтра буду с ними разбираться.

Директор окинул взглядом ящики, удовлетворенно кивнул и сказал:

– Завтра не надо, послезавтра комиссия ведь придет, а уж когда она отработает, тогда и установишь.

– Ладно, – согласился Марычев. – А документы вам когда отдать?

– Завтра занеси.

На том и расстались. Хотя именно тогда опытный глаз директора зацепился за какую-то деталь, но совершенно мелкую, тут же вылетевшую из головы. А вот теперь, ночью, острый коготь вонзился.

«Что ж это такое?» – досадливо подумал Илья Семенович и вдруг сообразил: ящики! Ну да, ящики, в которые были упакованы тренажеры. Их подбором, непосредственной закупкой и доставкой занимался Марычев. Приобрел у солидной фирмы, выбил скидку. Но вот ящики... Какие-то они были словно потрепанные. Новые тренажеры в явно не новых ящиках. С чего вдруг? Всегда новое было в новых упаковках.

Ерунда, попытался осадить себя Илья Семенович, упаковка и есть упаковка, сняли и выбросили, чего заостряться на такой мелочи? Однако директор Возницын в работе своей был дотошным и странные мелочи не упускал.

Комиссию ждали к десяти утра, все документы, в том числе на тренажеры, аккуратно лежали в папках, но разобраться с ящиками следовало заранее. Может, действительно все окажется пустяковиной, однако был в этом какой-то непорядок. А любой непорядок, особенно в преддверии серьезной проверки, вызывал у директора серьезное беспокойство.

...Обычно рабочий день у Ильи Семеновича начинался в девять утра. Но на сей раз он явился к половине восьмого, специально за полчаса до открытия спорткомплекса для посети-

телей. Поднялся в кабинет, снял куртку, ботинки (в спортзалы в верхней одежде и уличной обуви заходить не полагалось) и отправился в левое крыло, где находился тренажерный зал. Там, в подсобке, должны были стоять ящики с оборудованием. Возницын открыл своим ключом запертую дверь в зал и – обмер.

В нескольких метрах от открытой двери в комнату тренеров лежал странным полубоком Виктор Марычев – с проломленным левым виском, в растекшейся вокруг головы луже крови.

Глава 2

Проснулась Вера в отличном настроении.

Во-первых, вчера она окончательно подчистила все хвосты. Дописала отчеты, дооформила нужные бумаги... в общем, доделала все, что называла «бюрократией» и считала самой противной частью своей работы. Обычно на эту работу у старшего следователя майора юстиции Веры Ивановны Грозновой уходило раза в два больше времени, нежели у многих других ее коллег по региональному Следственному управлению Следственного комитета РФ, но от нее никто не освобождал, так что приходилось напрягаться. Так вот, вчера с этим было покончено. На время, конечно, но все равно приятно.

Во-вторых, опять же вчера вернулась бабушка Зина, которая ездила в гости к своей дочери и Вериной маме, уже несколько лет живущей в Москве с мужем-психиатром. А это означало, что с Веры сваливается большинство домашних забот, в том числе присмотр за пятнадцатилетним сыном Ярославом. Хотя, если по-честному, ни в каком присмотре сын не нуждался. Он был самостоятельным, умным (недаром получил прозвище Ярослав Мудрый) и ловко избегал подростковых проблем, относясь к ним с иронией. Однако все равно при бабе Зине было как-то спокойнее.

Наконец, в-третьих, зарядивший с вечера дождь к утру закончился, а дождь, особенно осенний, холодный и нудный, Вера терпеть не могла.

Настроение ей мог бы испортить намеченный визит в ведомственную поликлинику к стоматологу, однако же ничего подобного. О временах, когда анестезию использовали только при удалении зубов, а во всех других случаях пациентам приходилось терпеть боль, Вера знала лишь по чужим рассказам, но на практике не сталкивалась. Впрочем, ее опыт посещения стоматологов был весьма скромным и самым большим для нее испытанием стало то, что приходилось сидеть с отвисшей челюстью, ощущать химический привкус ватных тампонов и периодически слушать приказы: «Не закрывайте рот!»

Вот именно в состоянии отвисшей челюсти и раздалось бодрое «Тореадор, смелее в бой!» – мелодия, выставленная на единственный звонок: руководителя Первого отдела Следственного управления полковника Евгения Владимировича Мирошниченко. Вера дернулась, тут же напорвшись на окрик:

– Сидите спокойно, вы мне откусите палец! И вообще, в кабинете врача воспитанные пациенты отключают у телефонов звук.

Не слишком воспитанная пациентка с открытым ртом издала невнятно-покаянный звук и скосила глаза в сторону двери, рядом с которой на стуле стояла ее сумка. Ну да, она забыла про телефон, а он ожил, причем исключительно начальственно, в самый неподходящий момент. Но вообще-то Мирошниченко знал, что с утра Вера отправится в поликлинику, а Вера знала, что на работе нет ничего срочного, и если начальник вдруг начал разыскивать, значит, именно срочное и возникло. «Только бы не принялся по новой трезвонить, – подумала она, – а то врачича еще возьмет и в воспитательных целях вместо пломбы вообще зуб выдернет». Однако Мирошниченко, похоже, решил проявить терпение, сообразив, что нахождение в кресле стоматолога исключает возможность любого разговора.

Вера сама перезвонила через пятнадцать минут.

– Извини, не могла взять трубку, я у стоматолога сидела, я ж тебе говорила.

– Ну да, говорила, я забыл, потом вспомнил. В общем, давай спринтерским бегом ко мне. – И, ничего не объясняя, Мирошниченко отключился.

Вера, даже не раздеваясь и весьма условно стукнув в дверь, прошла в кабинет начальника, сбросила куртку на соседний стул и спросила:

– Чего стряслось-то?

Прозвучало это довольно фамильярно, но с глазу на глаз совершенно допустимо. Когда более десяти лет назад Вера начала работать в Первом отделе, занимавшемся преступлениями против личности и общественной безопасности, Следственного управления (а взяли ее по благу, но то была особая история), именно Мирошниченко стал по сути ее главным наставником, а параллельно и хорошим приятелем. На несколько лет Мирошниченко уезжал на Север, откуда вернулся с полковничьими погонами, возглавив Первый отдел. На людях они соблюдали субординацию, но в личном общении считали это лишним.

– Мозги стряслись. Причем, похоже, в буквальном смысле слова, – сообщил начальник.

– Понятно. Убийство, – спокойноотреагировала Вера. А чего еще она могла ожидать на своей работе? В конце концов, патологоанатом тоже не удивляется мертвецам. – И кого убили?

– Виктора Сергеевича Марычева. Тридцатисемилетнего фитнес-тренера Кураевского спорткомплекса.

– Какого-какого спорткомплекса? – не поняла Вера.

– Грознова, в нашей области есть Кураевский район, райцентр там – Кураевск. В семидесяти километрах от города. Может, ты об этом хотя бы слышала? – Мирошниченко посмотрел с укором, словно учитель географии на двоечницу.

– В общем и целом да... – неуверенно произнесла Вера, которая действительно только слышала, но никогда в тех местах не бывала, поскольку в районах области не работала, максимум – в пределах пригородной зоны.

– Так вот тебе краткая информация. Кураевский район – это река, озера, леса, охотничьи угодья, замечательные места для отдыха. Сам Кураевск – не глухая деревня, а поселок городского типа, где живут около тридцати тысяч человек. Для райцентра очень даже прилично. К тому же там есть несколько предприятий и весьма развитая инфраструктура, в том числе отличный спорткомплекс. Так вот, нынешней ночью в этом спорткомплексе проломили голову фитнес-тренеру Виктору Сергеевичу Марычеву. Вчера поздно вечером он ушел с работы бодрым и здоровым, а сегодня рано утром его нашли мертвым в тренажерном зале.

– А к чему ты мне это рассказываешь? Это же вотчина межрайонного отдела, – резонно предположила Вера.

– Правильно. Они возбудили дело, но только в дальнейшем заниматься им будем мы. И непосредственно ты.

– Почему? – удивилась майор Грознова.

Конечно, любое убийство – это тяжкое преступление. Но у всякого тяжкого есть своя градация. Обычный мужик... фитнес-тренер из деревни... ну, пусть не из деревни, а из райцентра... с проломленной головой... не исключено, обычная бытовуха... С чего вдруг это дело с межрайонного уровня поднимают до регионального?

– А потому, что с этим Марычевым не так все просто. Этот Марычев приехал в Кураевск два с лишним года назад, а до того обитал здесь, в городе. Работал, между прочим, управляющим в фитнес-центре «Супер-Фит», весьма себе приличном заведении. А самое главное... – Мирошниченко выдержал паузу, – он бывший зять Марка Захаровича Дымарцева.

– Да ну?! – ахнула Вера.

– Вот именно, – покривился Мирошниченко. – Так что понимаешь, тут особый случай.

Следователь Грознова понимала. Поскольку Марк Захарович Дымарцев сам был особым случаем – мощным, громким и... позорным для следственных органов.

Два с половиной года назад в головной офис многопрофильной компании «Атлант» нагрянула целая бригада – следователи из соседнего, экономического, отдела, оперативники полиции, группа СОБРа. И – как в кино: всем оставаться на своих местах, лицом к стене, генеральный директор и главный владелец компании в наручниках... И все это под видеокamеры. К вечеру различные СМИ и интернет-сайты распространили информацию о задержании Марка

Захаровича Дымарцева по подозрению в серьезных финансовых махинациях, мошенничестве, отмывании денежных средств. В общем, все по-крупному.

Почти тут же дело вместе с подозреваемым забрали в Москву. Как шепнул Вере по секрету Максим Куролесов из соседнего отдела, все вздохнули с облегчением, поскольку с самого начала была здесь куча мути, но сверху поступила указива, и пришлось выполнять. «Вообще-то у нас на Дымарцева ничего нет, – признался Максим. – Я так думаю, Дымарцев какому-то очень серьезному крутяку дорогу перешел, и все затеяно, чтобы бизнес обрушить. Сейчас начнут мужика жать, давить... ну, ты понимаешь... а потом что-нибудь приплетут... и всему этому “Атланту” полный капец придет. Иноземцев, партнер Дымарцева, ничего не удержит. У него всего двадцать пять процентов акций, и в принципе он какой-то невнятный».

Однако все вышло иначе. В течение двух лет Дымарцева держали за решеткой, много месяцев всячески жали, давили, причем с весьма профессиональным сбросом нужной информации в публичное пространство, а он и его адвокаты бились, как стая матерых волков, которых загоняли за красные флажки, а те рвали зубами и сами флажки, и загонщиков. Года через полтора после задержания вся шумиха вдруг стихла, а потом раздался грохот победных фанфар. Решением Верховного суда Дымарцев был полностью оправдан, ему были принесены официальные извинения от имени государства, а затем назначена весьма внушительная денежная компенсация. СМИ и интернет-сайты мимо этого, разумеется, не прошли, ну хотя бы в силу уникальности ситуации. Максим Куролесов на это отреагировал весьма ехидно: московское начальство рассчитывало на громком деле плюшки получить, а получило плюхи.

Что же касается бизнеса, то если изначально главной целью было пустить «Атлант» по миру, то и тут случился облом. «Четвертушечный» владелец, невнятный Иноземцев оказался очень даже внятным и ловким. Не только удержал бизнес, но и укрепил его по ряду позиций. В итоге Марк Захарович Дымарцев вернулся в собственные не разоренные владения и на коне, и со щитом. Произошло это полгода назад.

– Значит, убитый Марычев – бывший зять Дымарцева? – Вера покачала головой. – Вот это поворотец.

– Именно. А потому мы, как саперы, не имеем права ошибиться. Если с этим типом произойдет еще один скандал... Москвичи-то утерлись, а нас просто разотрут.

– Стоп. Марычев хоть и зять, но бывший. То есть уже не родственник... – попыталась найти лазейку Вера.

– Бывший может быть у дяди Васи и тети Даши. А у Марка Захаровича понятие «бывший» весьма относительное, – обломал надежду начальник. – Тем более если Марычев переехал в Кураевск два с лишним года назад, то получается, он перестал быть зятем вскоре после ареста тестя. И вскоре после рождения сына. Внук у Дымарцева родился уже после того, как деда закрыли. Поэтому Виктор Сергеевич пусть уже и не муж дочери Марка Захаровича, но отец внука. То есть не совсем посторонний. К тому же исчезнувший из семьи, а скорее всего сбежавший, как только гром грянул.

– Но он ушел из семьи более двух лет назад, Дымарцев освободился полгода назад, а по голове Марычев получил сегодняшней ночью. Странная история... – заметила Вера.

– Вот ты с этим и будешь разбираться. Причем на месте, – сказал Мирошниченко. – Завтра с утра поедешь в Кураевск. Вместе с Дорогиным. Гаврилин уже отправился на место еще с двумя криминалистами. Двое вернутся сегодня же, а Гаврилин, может, тоже вернется, а может, там переночует, постановление суда получим, надо будет жилище Марычева осмотреть. Но это, скорее всего, завтра. Морковин будет с вами отсюда на связи. Ну а Луньков, думаю, уже сегодня выдаст хотя бы общий результат. Тело и орудие убийства к нам сюда отправят оперативно. Кстати, орудие убийства – гантель. Одна из тех, что в этом тренажерном зале спокойно лежат. А ты скажи мне спасибо.

– Спасибо? За что? – не поняла Вера.

– За то, что я тебе хорошую компанию подобрал. Все – твои друганы и любимцы. Тебе ведь это важно?

Это действительно было важно. По крайней мере, очень желательно. Следовательно Грозновой слишком часто приходилось общаться с людьми малоприятными и просто отвратительными – такова была ее работа. Но те люди находились по другую сторону, они занимали место чужих. А рядом она хотела иметь своих – таких, с которыми удобно и надежно. Что здесь странного? Конечно, так получалось не всегда, однако Вера точно знала: если работаешь с теми, кому доверяешь и с кем чувствуешь себя комфортно, дело идет гораздо успешнее. Да, как принято говорить: хороший человек – это не профессия. Но если хороший профессионал – плохой человек, то вреда от него может быть гораздо больше. В данном случае Евгений Владимирович Мирошниченко подобрал команду, где все были со знаком «плюс».

Вот сейчас тело Марычева ждал Юрий Дмитриевич Луньков – пятидесятипятилетний толстячок с круглой лысиной и румяным лицом, добродушный, похожий на детского доктора. И ведь действительно Юрий Дмитриевич начинал педиатром, лет семь проработал в детской больнице, а потом вдруг резко переквалифицировался в патологоанатомы и судмедэксперты. Такой кульбит почти никто не понял – молодой доктор Луньков считался очень перспективным да к тому же пользующимся особой симпатией у маленьких пациентов и их родителей. Юрий Дмитриевич и тогда, и впоследствии по поводу своего кульбита в основном отшучивался, но однажды все же объяснил Вере совершенно серьезно: «Ну не мог я на больных ребятишек смотреть, жалко их было безумно. Да, я их лечил и в основном вылечивал, и радовался очень, но одни выписывались, а другие поступали, и я все время занимался несчастными детьми. И у меня просто сердце разрывалось. Вот тогда я решил, что буду лучше заниматься теми, кому я уже ничем помочь не смогу, но и жалеть их поздно, потому как им самим все равно».

Вера тогда спросила: «А вот тех, кто лежат у вас в морге, кто еще недавно были живыми, а теперь стали мертвыми, в основном загубленными, вам не жалко?», на что Юрий Дмитриевич ответил: «Мертвому уже ни жарко ни холодно. Значит, и мне переживать нет смысла. А вот ты можешь переживать, потому как тебе надо найти того, кто человека загубил». Была в словах Лунькова своя правда, пусть и приправленная цинизмом.

Юрий Дмитриевич душевно относился к живым и с холодным профессионализмом – к мертвым. Вера не сомневалась: судмедэксперт Луньков получит тело Марычева и, по крайней мере по своей линии, все сделает для следователя Грозновой в наилучшем виде.

Все по максимуму сделает и сорокалетний криминалист Паша Гаврилин. Лучший специалист, имеющий допуск для проведения целого ряда экспертиз. Человек, с одной стороны, занудно-взвешивый, а с другой – общительно-веселый, панибратски называющий Грознову Верунчиком.

В отличие от Гаврилина, спец по компьютерно-технической экспертизе Тимур Морковин, который был младше Веры лишь на два года, обращался к следователю исключительно на «вы» и по имени-отчеству. Причем делал это весьма нарочито. Она в ответ говорила ему «ты» и даже не помнила имени его отца. Как и большинство людей, профессионально погруженных в информационные технологии и все этому сопутствующее, а также любящих аналитическую работу, Тимур был преисполнен ощущения «тайных знаний», но одновременно щедро делился ими с окружающими. Причем делал это артистично, красочно, с явным талантом увлекательного рассказчика. Впрочем, так он себя вел отнюдь не со всеми, с иными ограничивался четкими сухими отчетами, но к Вере явно благоволил, особенно когда она работала в связке с его ближайшим другом – страшим оперуполномоченным областного уголовного розыска капитаном полиции Романом Дорогиным.

Работать с Дорогиным Вера любила. И просто общаться – тоже. С ним связывали пусть не близко-дружеские, но очень приятельские отношения. В том смысле, что она не изливала Роману душу, делясь самым сокровенным, однако не испытывала нужды притворяться, не боя-

лась сказать все как есть, не сомневалась, что он поймет правильно, и твердо знала: не обманет, не схалтурит, не испугается и не подведет. Роман Дорогин был исключительно надежным напарником и к тому же человеком с довольно легким характером.

В общем, начальника и впрямь следовало поблагодарить. Компанию он подобрал отличную.

– За компанию тебе, конечно, низжайший поклон, – сказала Вера. – Но то, что ты меня под Дымарцева подставил...

– А кого же еще? – усмехнулся Мирошниченко. – Дело – тонкое, специфическое... А ты у нас тоже человек специфический, оригинальный, склонный к нестандартным решениям и действиям...

Ну да, подумала Вера, очень это, оказывается, в масть. Хотя когда-то за специфичность ее и не хотели брать в следствие и вообще в правоохранительные органы. Психологи определили ей несколько минусов, один из которых – умная, склонная к неординарным решениям, нетривиальным действиям, то есть большой оригинал. В принципе это хорошо, особенно когда слишком нестандартные преступления, но в то же время означает, что она непредсказуема и ее сложно контролировать. Психологи поступили ловко, написав около ее фамилии большой знак вопроса, что означало: на усмотрение руководства. А какому руководителю нужно рисковать ради никому не известной девицы? В итоге Вере сначала отказали, а потом взяли по блату, но ей исключительно повезло с начальником, полковником Клименко, который пусть и под нажимом, однако рискнул, решив, что из девицы выйдет толк, а особенности ее характера могут очень даже оказаться на пользу. И затем, по его собственным словам, ни разу не пожалел.

Женя Мирошниченко, бывший Верин наставник и нынешний руководитель, все это прекрасно знал.

– Завтра в Кураевске вас встретит и всякую помощь окажет начальник РОВД Добрецов. Вот его телефон. – Мирошниченко положил на стол бумажку. – А сегодня кровь из носа...

– Да, сегодня кровь из носа я должна переговорить с Дымарцевым и его дочерью, – вздохнула Вера.

– Совершенно верно. Вот номера его мобильника и приемной в офисе. – И Мирошниченко положил на стол другую бумажку. – Дымарцев в городе, я узнал. Так что действуй.

Глава 3

Олег Павлович Добрецов прожил в городе тридцать лет. Как поступил после десятилетки в школу милиции, так и осел. Правда, в родной Кураевск навещался часто, главным образом к родителям и сестре, но и к детским друзьям тоже, благо сохранились. К сорока восьми годам он уже имел погоны полковника и семь лет служил в облУВД с перспективой новой должности тут же, в областном управлении. Однако вдруг выкинул финт, который от него не ожидали, – явился к генералу и попросил направить его на освободившуюся должность начальника Кураевского районного отдела внутренних дел. Свою просьбу обосновал без придумок: хочет вернуться в родные места, всегда их любил, да и родителям помощь требуется, сестра не поспевает, у нее своя семья плюс работа, опять же родительский дом вполне просторный, а городскую квартиру сыну оставит.

Некоторые сомнения имелись у Олега Павловича в отношении жены Кати – все-таки городская женщина, много лет проработавшая в бухгалтерии того же облУВД. Но Катя неожиданно обрадовалась: пенсию себе майор внутренней службы Добрецова заработала и теперь получала возможность всецело предаться любимому хобби – садоводству-огородничеству – не на четырех дачных сотках, а при полном раздолье на четырнадцать сотках в кураевском доме.

«Смотри не пожалей», – предупредил генерал, но вот уже четыре года полковник Добрецов ни о чем не жалел. Отдел ему изначально достался довольно крепкий (спасибо предшественнику, который как раз после отставки перебрался в город к детям), да и сам район в сводке криминальных происшествий значился в самом хвосте.

Обычно он приходил на работу к восьми утра. А тут, едва переступив порог кабинета, услышал звонок телефона. Вытащил из куртки трубку и даже слегка отпрянул от панического голоса директора спорткомплекса Возницына:

– Олег! У меня тут такое!.. – И замолчал, тяжело дыша.

Возницына Олег Павлович знал с детства. Их родители дружили, ну а уж потом, по наследству, сами стали приятельствовать, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, которая с годами почти растворилась. Но не помнил Добрецов, чтобы всегда бодрый и в общем-то жизнерадостный Илья паниковал.

– Илья, ты чего? – спросил удивленно.

– У меня тут... в тренажерном зале... убитый человек...

– Как убитый? – мгновенно напрягся полковник Добрецов.

– Совсем убитый! С проломленной головой! Виктор Марычев! Тренер мой! Приезжай скорей! – крикнул Возницын и отключился.

«Приезжай» – означало просто перейти площадь: спорткомплекс и здание РОВД находились друг от друга в нескольких десятках метров.

Застегивая неснятую куртку, полковник уже в коридоре гаркнул:

– Сидорчук!

Хлопнула одна из дверей, на пороге возник не успевший раздеться капитан.

– Здесь!

– За мной! – приказал Добрецов и быстрым шагом двинулся на улицу.

Капитан поспешил следом, прикидывая, какая напасть могла обрушиться. Явившись на работу буквально несколько минут назад, Артем Сидорчук перекинулся парой фраз с дежурным, и тот проинформировал: никаких особых происшествий не зафиксировано, несколько мелочей. Но ради мелочей полковник не стал бы так подрываться.

– Мне сейчас позвонил Возницын, у него в тренажерном зале труп, – едва ли не на бегу сообщил Добрецов. – Тренер Марычев. С проломленной головой.

– Да ну?! – отреагировал Артем.

– Сейчас проверим, – буркнул Добрецов.

Спорткомплекс начинал работать в восемь, однако никого у входа в здание пока не было, зато внутри шла пересменка: двое охранников сдавали дежурство, а двое принимали.

– Никому не расходиться, никого в здание не впускать и никого отсюда не выпускать! – приказал Добрецов.

Все четверо посмотрели с недоумением.

– Так в здании никого нет. Только директор, – произнес один из охранников, явно из тех, кто дежурил ночью. – Его тоже не выпускать?

– И вам с напарником домой не уходить! Здесь ждите! – повторил приказ полковник.

Вместе с капитаном он поднялся на второй этаж, двинулся в левое крыло, где находился тренажерный зал. Около распахнутой двери стоял Илья Семенович Возницын. Вид он имел такой, словно его не слишком сильно, но все же весьма чувствительно стукнули пыльным мешком.

– Вон там... – он кивнул в сторону зала, – я дверь открыл и сразу увидел...

Добрецов с Сидорчуком тоже сразу увидели.

Около комнаты тренеров лежал Виктор Марычев – полубоком, навалившись телом на правую руку, с большой раной на левом виске. Кровь на ране, на полу рядом с головой и на прижатой к щеке левой ладони, которой, вероятно, пытались рану зажать, уже запеклась. А примерно в метре валялась небольшая гантель – обтянутая зеленым пластиком, с цилиндрическими набалдашниками, один из которых тоже был окровавлен.

– Ты что-нибудь здесь трогал? – спросил Добрецов.

– Не-е-ет... Я только открыл своим ключом дверь, увидел и сразу все понял, – произнес Возницын. – Это же сразу понятно, что он мертвый. – И растерянно добавил: – Какой кошмар!.. Что же теперь делать?

– Значит, так, – решительно заявил полковник, обращаясь к Сидорчуку. – Охранники, которые ночью дежурили, чтоб не вздумали смыться. Здание закрыть для всех, кроме наших, разумеется. наших у главного входа выставить и... еще ведь входы есть? – на сей раз обратился он к Возницыну.

– Да, еще два запасных, в правом и левом торце... Один вот прямо тут... на первом этаже, лестница ведет прямо сюда. – Директор показал пальцем на дверь в дальнем углу зала.

– И у запасных входов тоже выставить. И здание проверить. У кого ключи от всех помещений?

– У меня. И у охранников, – Возницын потряс связкой ключей.

– Ладно, звоню следователям. Ты, Артем, организуй охрану, – распорядился полковник, – а ты, Илья, вон в коридоре на скамеечке посиди.

Сидорчук поспешно исчез, Возницын покорно опустился на скамейку, а начальник РОВД, как и полагается, позвонил дежурному межрайонного следственного отдела доложить об убийстве.

– И ведь не кого-то убили, а Марычева, – подал голос Илья Семенович. – Ведь не совсем обычного человека, а, Олег?

Еще год назад Добрецов счел бы, что обычного. Но теперь получалось, что не совсем так...

Обнаружилось все совершенно случайно. Приехала к Возницыным из города дочка Алена. Она постоянно навещала родителей, а в тот раз явилась за чем-то к отцу на работу. И внизу в вестибюле увидела стенд с фотографиями тренеров спорткомплекса. Очень удивилась, обнаружив фото Виктора Марычева. Оказалось, Алена давно ходит в фитнес-центр «Супер-Фит», классный такой центр. Принадлежал он известному бизнесмену Дымарцеву. Марычев был там сначала тренером, а потом женился на дочери Дымарцева и стал управляющим. Во какой поворот, об этом в свое время сильно судачили. А потом фитнес-центр про-

дали, потому как Дымарцева в тюрьму посадили, и это был такой скандал – прямо скандалище! Папа ничего не слышал? Ну, сильно в своей деревне отстал – в интернете не шарится, по телевизору только спортивные передачи смотрит, потому и не знает ничего. Вечером Алена из интернета вытащила отцу кучу информации. Завсегда и «Супер-Фита» всячески гадали, куда делся Виктор, а он, оказывается, в Кураевске осел. Прямо чудеса! Слушок ходил, будто он развелся, но вполне мог в городе работу найти, он ведь отличным тренером считался.

Илья Семенович тогда сильно озадачился. Хотя первый раз озадачился, когда Виктор пришел к нему на работу устраиваться. Выпускник факультета физической культуры педуниверситета, тренер, а затем управляющий крупным фитнес-центром... с чего вдруг такой поворот от города к деревне? Но Марычев объяснил. Был женат, да только жена, похоже, какого-то богатенького себе присмотрела, потому как подала на развод. По большому счету, просто мужа выгнала. Причем чуть ли не без штанов. Ну а кто он есть? Приехал учиться в педуниверситет из маленького городка в Хабаровском крае, обитал в общежитии. Своим жильем обзавестись не успел, в квартире жены поселился. Деньги все приносил в семью, ничего не утаивал, а жена трагично по своему усмотрению, так что при разводе с пустым кошельком оказался. Тогда и подумал: какого черта он за город держится, когда в Кураевске хороший спорткомплекс да к тому же полдома имеются, которые по наследству от одинокой тетки достались? Вот и приехал. Об отце жены Виктор тогда и словом не обмолвился.

Возницын подобное объяснение счел вполне убедительным. Потом поинтересовался (уже тихо, через бухгалтерию), не платит ли Марычев алименты. Оказалось, нет ничего такого. А вскоре решил, что с новым тренером ему исключительно повезло.

Спорткомплекс был, конечно, бюджетной организацией, занятия практически всех секций проводились здесь бесплатно, однако же имелись и платные услуги, доходы от которых направлялись непосредственно на нужды комплекса, а также в определенном проценте могли быть использованы в качестве премиального фонда сотрудников. Но такие доходы в основном приносили только бассейн и тренажерный зал. Причем бассейн – сезонно. Кто летом станет платить за возможность в нем поплавать, когда рядом река и озера? А вот в тренажерный зал практически все ходили за деньги, в том числе по абонеентам. Правда, ходили так... без особого энтузиазма. Буквально за год Марычев все изменил существенно. Народ активно заинтересовался – благодаря рекламе, каким-то особым придумкам, тренерским и организаторским талантам Виктора.

Илья Семенович не мог не порадоваться. А потому, узнав про Дымарцева, отнесся к информации довольно спокойно. В конце концов, зять за тестя не в ответе, тем паче – бывшего.

Однако же соответствующую беседу провел. Виктор отнекиваться не стал, признавшись, что не хочет свое бывшее родство предавать огласке и очень просит директора никому ни о чем не рассказывать. Илья Семенович счел это вполне разумным и действительно закрыл рот на замок. Единственным, ради кого он этот замок отомкнул, стал Добрецов. Поделился и как со старым приятелем, и как с начальником РОВД – так, на всякий случай. От Добрецова полгода назад и узнал, чем закончилось дело Дымарцева. И даже обеспокоился: на надумает ли Марычев вернуться в город? Но Виктор продолжал работать как обычно, и Возницын успокоился. Дымарцева выпустили, однако дочка явно не собиралась запускать к себе назад бывшего мужа.

И вот теперь – такой поворот...

– Н-да, Илья... Марычев, конечно, может оказаться особым случаем... – вздохнул Добрецов и двинулся по коридору в сторону лестничной площадки, подальше от чужих ушей. После чего набрал номер начальника областного уголовного розыска Трофимова, которого хорошо знал с молодости.

Тот откликнулся почти сразу, словно ждал звонка, хотя, конечно, не ждал, однако обрадовался:

– О, Олег, давненько тебя не слышал! У тебя когда там охота начнется? Что-то потянуло...

– Уже началась, Алексей, – перебил Добрецов. – Только другая несколько. У меня ночью человека в спорткомплексе убили. Тренера Марычева.

– И?.. – удивился Трофимов, но не убийству, разумеется (не начальнику уголовного розыска этому удивляться), а тому, что Добрецов его персонально информирует.

– Так Марычев – не просто тренер. Он бывший зять Дымарцева.

– Того самого?!

– Именно. И появился Марычев у нас вскоре, как Дымарцева закрыли. Теперь того выпустили, а Марычева убили. Я, конечно, доложил межрайонным следокам, но только, думается мне, надо бы кого повыше проинформировать. От Дымарцева все проблем поймали выше крыши, а вот теперь такая ситуация...

В трубке повисла пауза, наконец Трофимов сказал:

– Ты правильно позвонил. Сейчас свяжусь с Мирошниченко, начальником Первого отдела Следственного управления. А ты там пока сильно не активничай, подожди, что следователи решат.

Мирошниченко позвонил сам минут через двадцать.

– Изложите, Олег Павлович, что там у вас? – не приказал, а весьма вежливо попросил он. Добрецов изложил – получилось довольно кратко.

– В общих чертах понятно. Мы это дело заберем себе, – сообщил Мирошниченко. – А сейчас к вам подъедет следователь из территориального отдела, и криминалисты скоро подтянутся. Полагаю, охрану места вы обеспечили?

– Разумеется. И места, и тела, и гантели.

– Гантели? – уточнил Мирошниченко.

– Ну да. Это предполагаемое орудие убийства.

– Занятно... – В трубке раздалось невнятное хмыканье.

– Ну так этих гантелей в тренажерном зале хватает. Убили, так сказать, подручным средством.

– Может, и подручным, а может... – с сомнением произнес Мирошниченко и добавил: – Я вам позже перезвоню, сообщу, кого к вам пошлем.

Но сначала появился следователь из территориального отдела Коноплянников – с таким выражением лица, словно натошак лимонов объелся.

– Я, конечно, свое отработаю, но, похоже, регионалы себе заберут. И с чего вдруг? – пожал он плечами. – Но дело с воза – коню легче, у меня своих забот полно. – Оглядел место преступления и вновь пожал плечами: – Гантелей по башке? Вроде никаких следов драки. Кстати, где тот, который первым тело нашел?

– Я здесь, – поднялся со своей скамейки Возницын. – Директор спорткомплекса. Я нашел.

– Хорошо, вас первого и опрошу. А кто-то был в спорткомплексе ночью?

– Двое охранников.

– Их следом. Кстати, – обратился он к начальнику РОВД, – вы мне место для работы предоставите?

– Можно у меня в кабинете, – предложил Добрецов, подумав, что неплохо бы поприсутствовать, так сказать, для уяснения ситуации.

– Годится, – буркнул Коноплянников.

– Ой! – вдруг воскликнул Илья Семенович. – Ко мне же сейчас из районной администрации комиссия придет!

– Какая к черту комиссия?! – Добрецов посмотрел на директора, как на ненормального.

– У меня проверка... финансово-хозяйственной деятельности спорткомплекса...

– Да-а-а?!.. – с подозрением произнес следователь, а Добрецов отрезал:

– Звони, отменяй и шагай в отдел! – После чего скомандовал: – Сидорчук, ночных охранников тоже в отдел! – И, кивнув Коноплянникову, добавил: – И пусть пояснят, как тренер в принципе в здании оказался.

– Охранники не могли убить! Я их давно знаю! – горячо заверил Возницын. – Да и зачем им?!

– Кому и зачем понадобилось убивать твоего Марычева, – скривился Добрецов, – следствие разберется.

Коноплянников кисло усмехнулся.

Глава 4

Вера покинула кабинет Мирошниченко с пониманием, что ей не надо затягивать со звонком Дымарцеву. У главы компании наверняка весь день расписан, и следовательно придется просить найти свободное окно, что лучше сделать заранее. Само дело Грозновой еще официально не передали, никаких законных оснований требовать от Дымарцева отодвинуть собственные дела в сторону у нее не имелось, однако это не было допросом – скорее предложением побеседовать. Хотя ей совершенно не хотелось встречаться с человеком, который не просто обыграл, но и макнул коллективным лицом в грязь правоохранительную систему. Но встреча была нужна, причем до отъезда в Кураевск, – в конце концов, именно из-за Дымарцева расследование убийства Виктора Марычева подняли на региональный уровень.

Но все-таки первый звонок она сделала Тимуру Морковину.

– Привет, Вера Ивановна, – отозвался спец по компьютерно-технической экспертизе. – Я уже в курсе по поводу бывшего зятя.

– Бывшее родство вообще может не иметь никакого отношения к убийству, – попыталась избежать предвзятости Вера. – Но мне придется встретиться с Дымарцевым именно сегодня... если он, конечно, не пошлет меня куда подальше... имеет в принципе право и... опыт.

– Будем надеяться на его великодушие, – хмыкнул Тимур.

– Куда там... – вздохнула Вера. – Но я тебя, Тимур, попрошу: постарайся побыстрее... пусть в общих чертах... найти мне все, что имеет отношение к этому Марычеву и семье Дымарцева. Ну, чтобы мне хоть чуть-чуть ориентироваться.

– Принято, – отозвался Морковин.

Еще минут пятнадцать Вера собиралась с духом, а потом набрала номер мобильного телефона. На седьмом звонке в трубке раздалось:

– Слушаю.

– Марк Захарович?

– Слушаю.

Голос звучал холодно-отстраненно, как нередко реагируют на незнакомого абонента, который каким-то образом выяснил номер личного телефона.

– Марк Захарович, я старший следователь из регионального управления Вера Ивановна Грознова и...

– Если у вашей организации вновь возникли ко мне вопросы, вызывайте официально на допрос повесткой, – не дав договорить, отрезал Дымарцев.

– Нет-нет, вы меня неправильно поняли! – поспешно заверила Вера. – Я не собираюсь вас допрашивать. Нет никаких оснований. Я просто хочу с вами побеседовать. О вашем бывшем зяте Викторе Сергеевиче Марычеве.

– О Викторе? – на сей раз прозвучало это удивленно.

– Его убили. Нынешней ночью. В Кураевске.

– Убили?! – В трубке повисла пауза и вдруг раздался смех, весьма напоминающий скрип старых дверных петель. – Вот это да! И вы подозреваете меня?

Голос бывшего тестя наполнился иронией.

– Я пока никого не подозреваю. Я просто хочу с вами побеседовать. И очень прошу, чтобы сегодня, – проигнорировала иронию Вера, хотя самой этой иронией озадачилась.

– Ну хорошо, – согласился Дымарцев. – Жду вас в семнадцать часов у себя в офисе.

И, не прощаясь, отключился. Адрес он тоже не назвал. Вероятно, счел излишней подробностью.

Вера подумала, что выяснить адрес действительно не проблема, а вот Морковин наверняка успеет нарывать какую-нибудь информацию и следователю Грозновой не придется предстать перед главой компании «Атлант» совершенно несведущей.

...Она поднялась на восемнадцатый этаж бизнес-центра, где располагалась приемная генерального директора, и уперлась в охранника, который, мельком глянув на служебное удостоверение, сказал:

– Вас сейчас встретят.

Вера подняла глаза к потолку, приветственно кивнув видеокамере. И буквально через минуту из коридора появилась женщина – лет под шестьдесят, в строгом костюме, лишь слегка скрадывающем оплывшую фигуру, с лицом, явно не отличавшимся красотой даже в юности.

– Здравствуйте. Я секретарь Марка Захаровича, – сообщила женщина и двинулась в сторону торца здания, твердо ступая в туфлях без малейшего намека на каблуки.

Это уже кое о чем говорило. Если преуспевающий бизнесмен держит в секретаршах не длинноногую молодую прелестницу, а вот такую тетку, значит, он работает с ней давно, высоко ценит, всецело доверяет и начисто плюет на всякие модные тенденции и внешние понты. Иными словами, самодостаточный человек. Впрочем, это стало понятно, когда он еще сидел за решеткой.

Из приемной (судя по количеству дверей, довольно массивных, надежно защищающих от звуков) можно было попасть еще в три помещения.

– Прошу, – секретарша распахнула одну из дверей и впустила Веру в кабинет Дымарцева.

Это был кабинет, явно не рассчитанный на значительное число людей. Он не поражал не только габаритами, но и количеством мебели: письменный стол с офисным креслом, небольшой приставной столик, четыре стула, шкаф с дверцами-купе по всей длине. Все строго функционально, и это тоже в определенной мере говорило о характере хозяина кабинета. Единственное, что создавало некий уют, – угловой диван с двумя креслами около окна.

Вера видела фотографии и даже видео с Дымарцевым, но живьем он произвел на нее более сильное впечатление. Высокий, худой, с резкими, словно вырезанными по серому камню чертами лица, с короткими стального цвета волосами и светло-серыми холодными глазами. Этот почти шестидесятилетний мужчина был по-своему красивым и... отталкивающим – похожим на стальной прут, который, может, и гнется, да не ломается, и не позавидуешь тому, по кому он хлестнет.

– Присаживайтесь, – Дымарцев кивнул на стул, оглядев Веру с ног до головы. – А вы довольно молоды. И, в отличие от многих своих коллег, похожи на женщину.

– Это комплимент? – Вера улыбнулась.

– Констатация факта, – даже не дрогнул лицом Дымарцев.

– Вам не повезло с моими коллегами. Я имею в виду следователей женского пола.

– Это вашим коллегам, в том числе мужского пола, не повезло со мной. – На сей раз тонкие губы чуть дрогнули в усмешке. – Впрочем, давайте к делу. Вы сказали, что Виктора убили, а я вам скажу, что мне это совершенно безразлично. Даже в некотором смысле приятно.

– Приятно?! – поразила Вера такой откровенности.

– Именно, – подтвердил Дымарцев.

– Я бы вас попросила это пояснить.

– Хорошо. Но только я приглашу сюда еще одного человека.

– Адвоката?

Раздался уже знакомый скрежещущий смешок:

– Нет. Я достаточно потратился на адвокатов, ограничусь старым другом и верным компаньоном Владимиром Евгеньевичем Иноземцевым. – Дымарцев нажал клавишу внутреннего телефона и сказал: – Володя, зайди, пожалуйста.

Внешне Иноземцев был полной противоположностью своего компаньона и приятеля – невысокий, пухлый, с розовым круглым лицом и редким пушком вокруг блестящей лысины. Никто не ожидал, что этот похожий на резинового пупса человек окажется настоящей акулой бизнеса.

«На всякий случай имей в виду, – предупредил Тимур Морковин, – у Иноземцева было двадцать пять процентов акций компании, но Дымарцев, освободившись, переписал на него еще пятнадцать процентов. То есть отблагодарил. А на благодарность далеко не каждый способен».

– О-о-о! – просиял Владимир Евгеньевич, усаживаясь на угловой диван. – Какая очаровательная барышня! И занимается убийствами?

– Занимаюсь, – подтвердила барышня. – В данном случае убийством Виктора Марычева.

– Да, Марк меня проинформировал, что вы ему сегодня сообщили по телефону про Виктора, – подтвердил Иноземцев без малейшего намека на сочувствие.

– А еще Марк Захарович сказал, что ему это в некотором смысле даже приятно.

– И вы сразу заподозрили его?

Вера неопределенно повела плечами:

– Это несколько странное заявление, но я пока всего лишь собираю информацию.

– Так вот, для информации, – улыбнулся Иноземцев. – Если Виктора действительно убили нынешней ночью в Кураевске, то у нас с Марком стопроцентное алиби. С половины десятого вечера и до трех ночи мы были в бильярдном клубе «Золотой шар». Вместе с тремя бизнесменами, которые приехали к нам из Москвы. В клубе достаточно свидетелей и еще есть видеокamеры. А в три ночи мы вернулись в наши городские квартиры. Мы живем в одном подъезде, где и охрана, и камеры. Мы как вернулись, так больше до утра никуда не уходили. Семьи-то у нас живут в коттеджном поселке за городом, в соседних домах, а мы уж туда не поехали. Вы можете проверить.

– Проверим, – пообещала Вера. – Но я все-таки хотела бы уточнить: почему вы, Марк Захарович, так восприняли смерть Марычева?

Натолкнулась на тяжелый взгляд Дымарцева и внутренне поежилась.

– Марк, – перестал улыбаться Иноземцев, – я думаю, тебе лучше все рассказать следователю с самого начала.

Дымарцев поморщился, помолчал и вдруг спросил:

– У вас, Вера Ивановна, есть дети?

– Сын. Ему пятнадцать лет, – удивилась вопросу Вера.

– Большой... – Дымарцев вновь окинул следователя взглядом с ног до головы, словно примериваясь к возрасту.

– Я родила его в девятнадцать лет. Без мужа. И до сих пор не замужем, – из непонятого в данный момент чувства самоутверждения заявила Вера.

– Моей дочери Дине было столько же, сколько сейчас вашему сыну, когда погибла ее мать. Это случилось шестнадцать лет назад, и с того времени я тоже не женат. Растить дочь помогала моя замечательная теща Анна Федоровна, мы по-прежнему живем вместе, впрочем, Дина особых проблем не доставляла. Она закончила экономический факультет университета и стала работать со мной. А в двадцать четыре года Дина познакомилась с Виктором Марычевым. На дне рождения своей подруги и однокурсницы Леры. Ее муж, Денис... э-э-э... фамилия такая короткая... а, да, Буш, был приятелем и однокурсником Виктора. Почти сразу выяснилось, что Виктор – тренер в фитнес-центре, который принадлежал нашей компании. Вот такое совпадение. Они встречались месяцев шесть, а потом сообщили, что решили пожениться. Я не возражал. И Анна Федоровна тоже.

– Совсем не возражали? – недоверчиво спросила Вера.

– А что, непременно должен был?

– Ну-у... дочь преуспевающего бизнесмена и простой фитнес-тренер... Обычно родители хотят...

– Я прежде всего хотел, чтобы Дина была счастлива, – перебил Дымарцев. – Вот такое у меня было банальное желание. Я сам когда-то женился по большой любви и не собирался мешать дочери. Да, в материальном и карьерном плане Виктор был никем. Работал простым тренером, правда, говорили, очень хорошим, жил на зарплату, квартиры своей не имел, единственная ценность – автомобиль «Форд», да и то купленный с рук. Но мы общались с Виктором, и он нам с Анной Федоровной понравился. Серьезный, толковый парень... не сопляк, все-таки уже тридцать лет исполнилось... а главное – искренне, как нам казалось, любящий Дину. На свадьбу я им подарил большую квартиру и новую машину специально для Виктора, у Дины была своя хорошая. Но... я, разумеется, подстраховался. И квартира, и машина были куплены заранее, да к тому же я оформил их в качестве дарственной дочери.

– Понятно, – кивнула юрист Грознова, – чтобы это не было совместно нажитым имуществом.

– Совершенно верно. Хотя Виктор тогда в подобные детали не вникал. Это уж потом, к своей печали, обнаружил. Но первые годы все было замечательно...

– И кстати, Марычев оказался очень дельным человеком, – подал голос Иноземцев. – Мы с Марком разделили: кто главным образом за какими структурами присматривает. Так вот фитнес-центр был под моим присмотром. И довольно быстро выяснилось, что Виктор, если ему дать возможность, весьма предприимчив. Где-то через год после свадьбы я назначил его управляющим, и он весьма успешно развернулся.

– Ну а когда Дина с Виктором решили родить ребенка, УЗИ показало, что будет мальчик, мы с Владимиром договорились, что в качестве подарка перепишем на Виктора фитнес-центр.

– Да, – подтвердил Иноземцев. – Решили, пусть у мужика будет свое дело.

– Марычев об этом знал? – уточнила Вера.

– Естественно. Мы с Марком ему об этом сказали.

– Но не переписали?

– Мы ждали, когда родится ребенок. А когда Марка арестовали, сразу понадобились большие деньги. Причем в свободном доступе. И я буквально за три дня продал фитнес-центр. На него давно уже был желающий.

– Виктор об этом быстро узнал?

– Разумеется. Я ему сообщил, что готовлю документы к продаже. Он ведь все-таки был управляющим.

– Но это все ерунда! – с досадой перебил Дымарцев. – Когда меня арестовали, у дочки было семь месяцев, и всю беременность она с Виктором жила в загородном доме, на свежем воздухе. А буквально через несколько дней случилось несчастье. У нас высокое крыльцо, и Дина каким-то образом с него упала, животом прямо на ступени.

– Ужас! – совершенно искренне воскликнула Вера.

Марк Захарович посмотрел на нее внимательно, без прежнего колючего льда в глазах.

– Да, ужас, – вздохнул он. – Дину срочно увезли в больницу, у нее начались преждевременные роды и... в общем, травма была такая, что ребенок родился глубоким инвалидом. А месяца через полтора Виктор подал на развод. Я узнал об этом, уже сидя за решеткой в Москве, и поначалу отказывался верить.

– Их развели через суд, разумеется, инициатором был Виктор, но Дина сама настаивала, чтобы все решили быстро, – пояснил Иноземцев. – Я пытался понять, в чем дело, но Дина категорически не желала со мной это обсуждать, Анна Федоровна ничего не знала, а Виктор отказался даже встречаться со мной.

– Этот мерзавец бросил мою дочь в самый тяжелый момент. Бросил больного сына. Меня рядом не стало, и он вычеркнул свою семью из собственной жизни. Я не говорю об алиментах,

черт с ними, благодаря Володе никто не бедствовал. Но за все те два года, пока меня не было, он им даже ни разу не позвонил, ни разу ими не поинтересовался! – с тихой яростью произнес Дымарцев. – И вы еще спрашиваете: почему я радуюсь его смерти?

– Марк, осторожнее в высказываниях, – предупредил Иноземцев. – Вера Ивановна может подумать, что ты к этой смерти имеешь какое-то отношение. Вы ведь можете так подумать? – Он внимательно уставился на следователя.

– Могу, – не стала она отрицать. – Марк Захарович открыто признает, что ненавидел своего бывшего зятя. А месть на почве ненависти – весьма распространенный повод для убийства.

– Убийство из мести?! – Дымарцев вдруг расхохотался. И это был не скрип ржавых дверных петель, а нечто напоминающее грохот бульжников. – Глупость! И я вам это сейчас объясню. Во-первых, – заговорил он холодным твердым голосом, – у меня стопроцентное алиби. Вам уже сказали, можете проверить.

– Да-да, бильярдный клуб с кучей свидетелей, городская квартира с видеокамерами и охранником... – согласилась Вера. – Но вы могли кого-нибудь нанять.

– Мог. Если бы был дураком. Но, во-первых, я не дурак, и два года в СИЗО отличная школа, чтобы понять: даже действуя максимально осторожно, вы, нанимая киллера, никогда не получите полной гарантии своей анонимности. Вы всегда рискуете оказаться на крючке с очень далеко идущими последствиями. И вы полагаете, я бы стал так рисковать из-за Виктора?

Вера неопределенно пожала плечами.

– Во-вторых, – продолжил Дымарцев. – Я не считаю смерть лучшим вариантом мести. Смерть – мгновение. Человек часто даже опомниться не успевает. В конце концов, каждому из нас знакомо: лег и провалился в сон. Вот примерно так же и умер. Сама по себе смерть не страшна – страшно ее ожидание. А насколько я догадался из ваших, госпожа следователь, слов, Виктор ни к чему такому не готовился. А потому убийство – это месть не тому, кого убили, а близким ему людям. Однако у Виктора, насколько я в курсе, никаких близких нет, а если бы и были, хотя бы друзья, то они уж точно ни в чем не виноваты. Так что подобный вариант мести мне не подходит по определению. Тем более что есть другой, и я его использовал в полной мере. Вернее, Виктор сам себе все сделал.

– Это как же? – Вера посмотрела с любопытством. – Смерть не годится, а есть нечто более эффективное?

– По-настоящему отомстить – это нанести удар по самому чувствительному. По тому месту, которое будет сильно болеть и отравлять жизнь. Так вот, для Виктора, совершенно очевидно, это было благополучие в самом конкретном смысле слова – деньги, дорогая машина, отличная квартира, хорошая одежда... и тому подобное. Я теперь не знаю, какие на самом деле чувства он испытывал к Дине. Но ему, опять-таки совершенно очевидно, очень хотелось стать моим зятем. Скромное существование сменить на полное довольство, место обычного тренера – на должность управляющего, затем хозяина и дальше с большими перспективами. То есть из грязи попасть в князи. Увы, довольно распространенная ситуация. И, надо признать, Виктор очень быстро освоился с ролью князя. Однако как только возникла угроза, что из-за моих неприятностей он может потерять богатую вотчину, оставшись с женой и больным ребенком, он тут же сбежал. При этом надеялся отхватить половину квартиры, машину, еще чего-нибудь, а оказалось, ни на что не имеет права. Все, что у него было своего, – немного денег да старая машина.

– И превратился мужик в старуху у разбитого корыта, – вставил со своего углового дивана Иноземцев.

– Но настоящая месть в другом, – ухмыльнулся Дымарцев. – Благодаря Владимиру мой бизнес устоял, я вернулся, а Виктор застрял в своем Кураевске с зарплатой деревенского тренера и соответствующими перспективами. Да, когда он бросил мою дочь, попытался устроиться на работу в городе, да только ни один, даже самый мелкий фитнес-центр, его не взял.

– Я постарался, – с удовольствием уточнил Иноземцев.

– И постарался, чтобы со счета дочери все деньги ушли, и этому мерзавцу ничего не досталось, – добавил Дымарцев, после чего спросил: – Ну и зачем мне Виктору мстить? Он сам себе отомстил. К тому же я не испытываю к нему ненависти. Ненависть – слишком сильное и по-своему возвышенное чувство. Обратная сторона любви. Ничего такого Виктор не заслуживает. А заслуживает он презрения. И я его глубоко презирал.

Все выглядело логичным. Вера не могла не согласиться. И не могла не признать, что убитый Марычев начал вызывать у нее искреннее неприятие.

«Стоп! – приказала себе следователь Грознова. – Твое личное отношение не имеет никакого значения для твоей работы. Тем более что корысть и предательство – это версия оскорбленного отца. Но не факт, что все так и было. Все может оказаться совершенно иначе».

– А вы знаете о жизни Марычева в последние два с половиной года? – спросила Вера.

– Я знаю только то, что после моего возвращения он пытался восстановить отношения с Диной. Но и она, и Анна Федоровна сразу после моего ареста сменили номера телефонов – чтобы не трезвонил кто попало. Виктор приезжал в коттеджный поселок, но его не пустили. Дина и Анна Федоровна отказались с ним общаться. Однако меня он выловил – на входе в бизнес-центр. – Дымарцев презрительно скривился. – Винился, каялся... просил уговорить Дину с ним встретиться... Я его не стал долго слушать, сказал, что, если он посмеет приблизиться к моей семье, ему место найдется только на Северном полюсе.

– Значит, Марычев хотел встретиться с вашей дочерью, но не встретился? – уточнила Вера.

– Нет. Она категорически не захотела.

– Но со мной, полагаю, она встретиться захочет?

– Ни в коем случае!

Такая категоричность насторожила.

– Смею вам заметить, Марк Захарович, что ваша дочь – совершеннолетняя и сама может принимать решения, – сухо заметила следователь Грознова. – К тому же у меня есть полное право вызвать ее для беседы повесткой.

Дымарцев напрягся, но неожиданно его суровое лицо словно поплыло, а решительно-холодный взгляд наполнился горечью.

– Хорошо, я вам объясню, – произнес он со вздохом. – Когда родился Алеша, моего внука назвали Алешей, врачи сразу дали плохие прогнозы. Но Дина и Анна Федоровна буквально жизнь положили, чтобы вытащить мальчика. Почти два с половиной года боролись... любили его сильно. А чуть больше месяца назад Алеша умер... На этой неделе сорок дней... Анну Федоровну тогда увезли в больницу с сердечным приступом. А дочка... дочку я вынужден был положить в клинику неврозов, частную, разумеется. С сильнейшей депрессией... Ее выписали несколько дней назад, острую фазу сняли, но Дина до сих пор очень слаба... Она вам ничего не сможет рассказать. Она не общалась с Виктором и даже запретила сообщать ему о смерти сына. Он ничего не знает... то есть не знал. Я готов позвонить в клинику, вам дадут историю болезни. Но я вас очень прошу... просто очень... не трогайте Дину. По крайней мере, без особой нужды. Я могу рассчитывать на ваше... женское сочувствие?

И он посмотрел с надеждой.

«Женское сочувствие... – подумала Вера. – Как будто у мужчин сочувствия не может быть по определению. Хотя... после двух лет в СИЗО Дымарцев вообще должен считать любого следователя злодеем».

– Хорошо, – сказала она, – без крайней нужды я не стану тревожить вашу дочь.

– Спасибо. – Дымарцев помолчал и добавил: – Если вы найдете убийцу, я ему найму лучшего адвоката.

Глава 5

Следователь Коноплянников, обосновавшийся в кабинете начальника РОВД, не возражал против присутствия Добрецова. Хочет? Пожалуйста. В конце концов, все равно разбираться потом будут регионалы, а следователю межтерриториального отдела предстояло лишь соблюсти формальности: возбудить дело, опросить по горячим следам. Хотя (подозревал он) вряд ли беседа с директором спорткомплекса и охранниками принесет что-то действительно «горячее».

От Возницына Коноплянников узнал всего ничего: из-за предстоящей проверки директор пришел на работу раньше обычного, поднялся к себе в кабинет, разделся, переобулся, решил заглянуть в тренажерный зал (гордость спорткомплекса), открыл своим ключом запертую дверь, с порога увидел тренера с проломленной головой, тут же позвонил Добрецову. Тело не трогал и вообще внутрь зала ногой не ступал.

Охранники (один лет тридцати, другой лет пятидесяти), которые дежурили по графику «сутки через двое», тоже никакой особой ясности не внесли, хотя рассказали много подробностей.

Накануне, в восемь утра (они только заступили на смену), ключи от тренажерного зала взял тренер Лапин. Марычев пришел часов в одиннадцать. Но он вообще рано, как правило, не приходит, зато часто уходит самым последним, в одиннадцать вечера, когда спорткомплекс закрывается. И это понятно: те, кто с Марычевым индивидуально занимаются, обычно к вечеру подтягиваются. Где-то в половине третьего Марычев куда-то отлучался, а часа через полтора вернулся и уже был до конца. К шести явилась Кайгородова, учительница физкультуры из школы, она приходит три раза в неделю, во вторник, четверг и субботу, всегда вечером и тоже, как правило, работает до конца.

– Так у нас же камера над главным входом, – махнул рукой в сторону окна, из которого как раз просматривался главный вход, охранник постарше. – Полиция все забрала, сами посмотрите.

– Посмотрим, – пообещал Коноплянников. – А вы мне лучше скажите про вчерашний вечер. И напрягите головы, чтоб все подробности вспомнить.

– А чего напрягать-то? Мы, чего надо, помним. Не для красоты, чай, на входе сидим, – фыркнул молодой и посмотрел на напарника. Тот кивнул. – Значит, у нас в спорткомплексе народа бывает много, но кто попало не шастает. У всех, кто в секциях занимается, пропуска, а кто за деньги в бассейн или в тренажерку ходят, имеют карточки с абонементом или разовые билеты. Вот так через нас и проходят. Вчера вечером народа немного было, ну кто-то какие-то тренировки перенес, потому что директор попросил и уборщиц нагнал, бассейн вообще в восемь часов закрылся.

Ну да, прикинул Добрецов, готовился к приходу районной комиссии, марафет наводил. Следователь, похоже, подумал о том же самом, уточнив:

– А в тренажерном зале тоже народа было немного?

– До девяти, как обычно, был народ. К девяти подтянулись трое мужиков, но они ушли часов в десять. И тогда же явилась тетка, толстуха такая, она месяц уже ходит, всегда чуть не самой последней и только в те дни, когда Кайгородова работает.

– А когда там уборщица убирала?

– Н, вы даете! – вклинился старший. – Мы что, за уборщицами следим? Убираются и убираются... А уж кто где... нам без разницы. Хотя... – он малость подумал, – последняя где-то в половине одиннадцатого ушла. Аккурат перед тем, как толстуха выскочила вся в слезах.

– Точно! – поддержал младший. – Прямо вся в слезах и под дождь. Уже дождь всю поливал, а толстуха даже не вытащила зонт, хотя он у нее из сумки торчал.

– А кто эта... толстуха? И почему в слезах? – насторожился Коноплянников.

– Ну, вы даете! – вновь отреагировал старший. – Мы что, всех знать обязаны? И вопросы лишние задавать? Но... – он опять задумался, – наверное, в тренажерке что-то случилось... Потому как вскорости Кайгородова выскочила и, похоже, злая сильно была. Обычно она такая... всегда здрасьте – до свидания... а тут лицо сердитое, что-то буркнула и – под дождь. Правда, зонт вытащила.

– А Марычев?

– Он самым последним ровно в одиннадцать спустился. В здании вообще уже никого не осталось. Отдал ключ от зала, у нас ключи от всех помещений в специальном ящике лежат. А еще у нас есть запасная связка ключей от всего. И у директора такая же есть.

– Значит, Марычев вышел из здания самым последним. Ну а он каким был – тоже сердитым? – поинтересовался следователь.

Охранники переглянулись.

– Да нет вовсе. Наоборот. Вроде в хорошем настроении, – сказал младший.

– Даже, наверное, в веселом, – уточнил напарник. – Даже посмеялся... типа мы можем свои ноги поберечь и к его залу не топтать, он все запер на сто запоров. Но мы все равно обход по зданию сделали, сразу после одиннадцати, как полагается. Все двери были заперты, и в тренажерный зал тоже.

– А что с дверью главного входа?

– Мы Марычева на улицу выпустили и ее сразу заперли, причем на задвижку. Мы всегда так делаем.

– Ну и как Марычев снова оказался в здании? – спросил Коноплянников.

Охранники развели руками.

– Ладно, можете отправляться по домам. Но из Кураевска – ни ногой! – предупредил следователь, и мужики поспешно покинули кабинет.

* * *

Мирошниченко перезвонил Добрецову во второй половине дня, когда уже вовсю работали криминалисты, а тело Марычева вместе с сотрудником судмедэкспертизы отправили в город. Сообщил:

– Завтра с утра к вам приедут старший следователь майор Грознова Вера Ивановна и капитан Дорогин Роман Леонидович из угрозыска. Эксперт-криминалист Гаврилин Павел Ильич сегодня уедет от вас в город, завтра к вам вернется, а потом опять уедет. Ну а Грознова с Дорогиным останутся. Так что вы уж позаботьтесь об их проживании.

– Позабочусь, – пообещал Добрецов и подумал: надо навести справки, особенно о следователюше.

А следом позвонил Зое Каблуковой.

С Зоей он когда-то учился в одном классе и даже некоторое время испытывал легкую влюбленность. Впрочем, в нее влюблялись многие мальчишки, с ней без особой зависти дружили многие девчонки и ей благоволили многие учителя, а особенно учительница домоводства, которая искренне радовалась Зоиным кулинарным и прочим соответствующим достоинствам. Маленькая, изящная, со светлыми кудрями и голубыми глазами, Зоя обладала не только симпатичной внешностью, но и очень славным характером – открытым, доброжелательным, веселым.

Уже в школе милиции Добрецов узнал, что Зоя вышла замуж за Каблукова, и очень удивился. Как-то плохо себе представлял очаровашку Зочку с этим суровым громилой, который был старше ее на десять лет и которого в школе все называли только по фамилии, а уже после школы – еще и по отчеству: Егорыч. А по имени – никогда. Как впоследствии узнал Добрецов,

мать Каблукова, когда была беременной, зачитывалась книжкой про мифы Древней Греции и назвала своего первенца Аполлоном. Уж лучше бы Гераклом – по крайней мере внешности бы соответствовало. Но в любом случае такое имя для сельского парня – совершеннейшая насмешка. А Каблуков, который едва ли не с детства отличался могучеством, насмешки пресекал с самого начала.

Сейчас, в свои шестьдесят два года, высоченный и здоровенный Егорыч к буйной шевелюре имел окладистую бороду, а пятидесятидвухлетняя Зоя по-прежнему была голубоглазой кудрявой блондинкой, но не миниатюрной, а весьма пышной. Эта пара, внешне плохо друг другу соответствующая, жила на редкость дружно, а последние семь лет и вместе работала.

Именно семь лет назад Зою Юрьевну Каблукову назначили заведующей гостевым домом – филиалом Кураевской гостиницы. Впрочем, если муниципальная гостиница предназначалась для всех, то гостевой дом (опять-таки находящийся в ведении муниципалитета) – только для особых постояльцев. Для высокого начальства, для заезжих знаменитостей, для определенных бизнесменов... – в общем, для тех, на кого добро давал управляющий делами районной администрации. В доме были всего десять номеров, большая столовая, гостиная, бильярдная и сауна. В постоянном штате числились сама Каблукова и в качестве завхоза (конкретно – мастера на все руки) – ее муж Егорыч. Ну и еще всегда сидел охранник из охранной фирмы. Периодически дом стоял либо совсем пустым, либо там было мало постояльцев, и тогда супруги обходились собственными силами, при надобности же вызывали горничных из гостиницы, заказывали еду и официантов из ресторана.

Обращаться за разрешением к управделами Добрецов не собирался – во-первых, терпеть его не мог, а во-вторых, считал, что начальник РОВД имеет свое право. Позвонил напрямую Каблуковой:

- Привет, Зоя.
- Какой кошмар! – вместо приветствия откликнулась та.
- Уже в курсе? – спросил Олег Павлович.
- А ты как думал?! С утра люди пришли тренировать свои тела, а им от ворот поворот.

Из администрации к директору явились, так и их завернули.

– Ну, ясное дело, недержание информации, – недовольно буркнул Добрецов, подумав, что ничего другого и ждать не следовало, когда слишком многие с самого начала оказались в курсе. В конце концов, Возницын сообщил членам проверочной комиссии, сам Добрецов проинформировал главу района, а подписку о неразглашении ни с кого не брали. – Я тебе, Зоя, чего звоню-то. У тебя постояльцы есть?

– Полная тишина. Никакое начальство не объявляется, сезон охоты еще не начался, на рыбалку в начале октября никто из ВИПов не собирается. А тебе надо кого-то заселить?

– Да. Завтра из города приедут женщина, старший следователь, и мужчина, старший опер из уголовного розыска. Сколько пробудут, непонятно, но нужно их с комфортом разместить. Только управделами я ни о чем просить не собираюсь.

– Понятно, Олег, – перешла на деловой тон Каблукова. – С управделами я сама разберусь, а за приезжих можешь не беспокоиться. Все организую в лучшем виде.

– Не сомневаюсь, Зоя, спасибо.

Олег Павлович и впрямь не сомневался. И Зоя, и Егорыч свое дело знали. И, что немаловажно, никогда ничего не болтали о своих постояльцах.

Попрощавшись, Добрецов минут пять подумал и вновь позвонил начальнику уголовного розыска Трофимову.

Ближе к вечеру вызвал к себе Сидорчука.

- Значит, так, Артем, городские приедут, я тебя к ним приставлю.
- Буду у них на посылках? Или тайным надзирателем? – хмыкнул капитан.
- Ты язык-то попридержи! – осадил начальник.

– Так точно! – мгновенно отреагировал Сидорчук.

– Я навел справки. Следователь Грознова вроде очень толковая, без фанатерий, но... своеобразная. Пообщаешься с ней – подумаешь, что она какая-нибудь дама, которая клиентов окучивает в солидной фирме. Вежливая, культурная, при этом умеет так все вывернуть и между собой связать... опомниться не успеешь. Дорогин из уголовного розыска – тоже парень грамотный, без дури и подстав, с Грозновой приятельствует, однако романа среди них нет. Ну и криминалист Гаврилин чуть ли не самый лучший. Эти трое часто вместе работают, буквально недавно раскрыли громкое дело с убийством московского драматурга. В общем, Артем, судя по всему, нам отборных посылают, а значит, дело очень серьезное. Но они здесь ничего не знают, а ты знаешь каждую дыру, сможешь сориентироваться.

– Так точно! – повторил Сидорчук.

Глава 6

– Ну и как тебе Дымарцев? – поинтересовался Мирошниченко.
– Как?.. Похож на стальной прут, который гнется, но не ломается, и не приведи судьба, если по тебе хлестнет, – произнесла Вера с достаточной долей уважения.

– Что и следовало ожидать, – кивнул полковник. – Ну а этот его приятель Иноземцев?

– О-о!.. – Вера усмехнулась. – Гладкий, округлый, скользкий... как масленок, на вилку не подцепишь.

Полковник снова кивнул:

– Я тут с соседями из экономического отдела перетолковал, так они сказали: когда Дымарцева взяли, Иноземцев за считанные дни такие схемы по бизнесу провернул, что в Москве ахнули. Впрочем, это не наши дела. А что с нашими? – Выслушал весьма подробный рассказ о встрече с руководителями компании «Атлант» и спросил: – Хоть какие-то версии возникли?

– Информации пока очень мало. Но, по крайней мере на первый взгляд, вряд ли убийство связано с серьезными корыстными побуждениями. Да и наследники у Марычева не просматриваются. Близких родственников у него нет. Тимур Морковин выяснил, что Марычев из маленького городка в Хабаровском крае, приехал к нам учиться на факультет физкультуры педуниверситета, единственный ребенок у родителей, которые умерли в течение полутора лет, Виктор был еще студентом. Вероятно, от них осталось жилье, но сколько оно могло стоить? Наверное, продал и на эти деньги какое-то время жил, но именно какое-то. Уж точно не обогатился. Единственной родственницей у него была тетка, старшая сестра матери, может, потому Марычев и поехал учиться в наш город. Тетка жила в Кураевске, умерла в тот год, когда Виктор собрался жениться, и оставила ему по завещанию полдома. Продавать наследство ему было без нужды, готовился стать зятем Дымарцева, а в результате сохранил место, куда приземлиться. Другой собственности у Марычева нет, если не считать автомобиль «Форд» двенадцатилетнего возраста. В общем, не велико богатство.

– То есть после развода ему ничего не досталось? – уточнил Мирошниченко.

– Наверное, рассчитывал, и не на три копейки. Однако Дымарцев заранее подстраховался, и оказалось, что никакого совместно нажитого с женой имущества нет. В результате с чем пришел, с тем и ушел. Ну, может, получше приедетый.

– А деньги?

– Он получал зарплату, в том числе управляющего фитнес-центром, однако вряд ли откладывал на черный день. У жены был банковский счет, им явно оба пользовались, а когда Виктор спохватился, на счете ничего не нашлось. Иноземцев быстро подсуетился, все перевел в другое место. Я, конечно, сделаю запрос в банк по поводу Марычева, но уверена: нет там ничего особенного. Да и сам посуды: если бы у Виктора были деньги, поехал бы он в Кураевск? Даже с учетом того, что в городе его не брал ни один фитнес-центр. В конце концов, при деньгах свет клином на тренерстве не сходится.

– Иными словами, смерть Марычева никого не обогатит?

– Разве что в подполе найдутся слитки золота, в чем я сильно сомневаюсь. Но завтра выясним, жилище Марычева опечатали и даже охрану на всякий случай выставили.

– Вообще-то, исходя из твоего общения с Дымарцевым, наиболее очевидной просматривается версия мести, – предположил Мирошниченко.

– Именно, – согласилась следователь Грознова. – За все, что Виктор сделал с Диной и сыном. И Дымарцев не скрывает своего злорадства по поводу убийства бывшего зятя. Однако у Дымарцева и Иноземцева стопроцентное алиби, я послала проверить, все подтвердилось. Вариант с киллером... Дымарцев бы мог его найти, даже не сомневаюсь, но его опасения самому

попасть на крючок наемному убийце вполне логичны. А Дымарцев мужик умный и теперь уже тертый калач. И вообще... зачем бы он на это пошел спустя полгода?

– Смерть внука. Так сказать, последняя капля в чаше ненависти.

Вера усмехнулась.

– Жень, извини за лирику, но ненависть – слишком сильное чувство. Обратная сторона любви. Так считает Дымарцев, который Виктора... презирал! И нисколько передо мной это не скрывал. Как не скрывал, что действительно ему отомстил. Причем Дымарцев считает, что гораздо сильнее, нежели бы его убил. Виктор сорвался с небес на землю, превратился в старуху, у которой было почти все, а осталось разбитое корыто. Причем, что вызывает у Дымарцева особое удовольствие, – все это Виктор сделал собственными руками!

– Ну а сама Дина?

– Дымарцев дал разрешение, чтобы из клиники неврозов нам передали все документы. Мы их уже получили, я переслала Лунькову, у него вопросов нет, правда, говорит, с этим лучше разбираться психиатрам.

– А с телом Марычева Луньков разобрался?

– В общем и целом, да. И тут есть кое-какие зацепки.

* * *

Судмедэксперт позвонил за час до похода Веры на доклад к начальнику:

– Веруня, я покопался в нашем покойнике и могу кое-что тебе рассказать. Но уж официальный отчет, извини, завтра. Вот с утра приду, соберусь с духом... ну ты же знаешь, как я не люблю эту бумажную работу. Мне бы помощничка какого выделили, чтобы он за меня бумажки писал. Так ведь не выделяют, не уважают...

– Юрий Дмитрич, я тоже терпеть не могу бумажную работу, – пожаловалась Вера. – И меня тоже никто не уважит.

Подобный диалог происходил у следователя и медэксперта регулярно, став своего рода ритуалом.

– Ну ладно, всплакнули друг другу, и хватит. Нам все равно лучше, чем убиенному тренеру, – хмыкнул Луньков. – А убиен он был где-то с половины двенадцатого до половины первого ночи. Не слишком тяжелой, полтора килограмма, гантелькой, которой нанесли черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью. На гантельке только кровь и мозговое вещество покойного, а что там еще есть – это ты, Веруня, к Паше Гаврилину, я криминалистам гантельку отправил. Теперь дальше. Удар нанесен в левый висок почти наверняка правой рукой. Причем тренер стоял к своему убийце лицом.

– А если бы попал в лоб, Марычев вполне мог выжить, кость здесь крепкая, но висок – самое уязвимое место на черепе? – уточнила Вера.

– Всякое могло быть, хотя... Удар пришелся несколько по касательной, но удар был очень сильный.

– То есть убийца – сам физически очень сильный?

– Похоже на то. Но с другой стороны, не исключаю, что гантельку тренеру в голову бросили, а по законам физики, сама понимаешь, ускорение умножило силу.

– А более точно: ударили или бросили – вы сказать не можете?

– Вот так, чтобы совсем точно, не могу, – не стал обнадеживать медэксперт.

– Н-да... – с сожалением произнесла Вера. – Непонятно, кого искать: то ли богатыря, то ли меткого хлюпика.

– Увы... – тоже с сожалением отреагировал Луньков. – Однако есть детали, которые тебе, Веруня, могут пригодиться. Получив удар, тренер инстинктивно схватился левой рукой за голову, потому что ладонь в крови. А затем упал на правый бок. Я у себя на столе рассмотрел:

с правой стороны на шее есть свежая царапина. Длинной пять сантиметров, шириной полсантиметра и достаточно неровная.

– А что это может быть? – озадачилась следователь.

– Я ничего не утверждаю, но подозреваю, на шее у тренера была достаточно массивная цепочка, которую убийца не снял, а сорвал. Потому и царапина. А еще на левом безымянном пальце у тренера почти наверняка было кольцо. Не обручальное, а типа мужской печатки. К тренеру явно хорошо прилипал загар, этот загар до сих пор вполне прилично сохранился, но там, где было кольцо, кожа более светлая. Я соскобы взял и тоже отправил криминалистам. А еще я им отправил любопытнейшую штучку. В правой руке, на которую тренер боком упал, в зажатом кулаке я обнаружил обрывок бумаги. И не просто какой, а на которой фотографии печатают. Тут я, конечно, не специалист, но предполагаю, тренер держал фотокарточку, а в момент, когда получил удар, инстинктивно, причем весьма сильно, сжал пальцы. В результате в кулаке оказался угол фотокарточки, причем согнутый изображением внутрь. Убийца наверняка не рискнул разжимать пальцы и просто выдернул из руки фото, оставив кусочек в кулаке. Крови на нем нет. А Гаврилин пусть разбирается, вдруг след какой отыщет.

– Любопытные детали... – признала Вера.

– Чем мог, помог, – сказал Луньков. – А в целом этот тренер редкостно здоровым мужчиной был. И в крови его я не обнаружил ни алкоголя, ни лекарственных препаратов, ни прочих посторонних веществ. И кстати, я глянул на документы из клиники неврозов. Я, конечно, не психиатр, если понадобится, вы там пригласите более сведущего, но то, что я увидел: все солидно, официально и – да, у бедной женщины тяжелая депрессия.

* * *

... – А если Луньков прав, Марычев действительно носил довольно внушительную цепь, кольцо и они пропали, то, может, тут банальное ограбление? Вряд ли у Марычева были цапки из простого металла, – предположил Мирошниченко.

– Если цепь и кольцо были, мы это, думаю, без проблем узнаем. Но в принципе странно... – с сомнением произнесла Вера. – Кто-то решил поживиться драгоценностями, кольцо с пальца снял, а цепь с шеи сорвал, то есть испортил вещь? И вообще... Понимаю, ограбить на улице... в конце концов, в доме Марычева... Но почему в тренажерном зале? И как сам Марычев там оказался? Следователь теротдела прислал протокол допроса охранников, те клянутся, что Виктор последним выходил из здания, ровно в одиннадцать вечера, после чего главный вход закрыли. И запись видеокамеры это подтверждает. Так как он снова оказался в зале?

– Будешь выяснять.

– Конечно. Но, судя по всему, Марычев сам каким-то образом впустил своего убийцу. Причем на теле нет никаких следов борьбы, Луньков тщательно проверил, и вообще в момент нападения Виктор стоял к убийце лицом.

– В общем, в ограбление ты не слишком веришь?

Вера пожала плечами:

– На данный момент мне это кажется неким сопутствующим...

– А охранники? Ты их совсем сбрасываешь со счетов? Они как раз могли спокойно зайти в зал, у них ключи от всех помещений.

Вера вновь пожала плечами:

– Пока нет оснований их подозревать...

Мирошниченко задумался и вдруг спросил:

– Но у тебя есть основания верить тому, что рассказал о бывшем зяте Дымарцев? Марычев – негодяй, который бросил жену и сына в самый тяжелый момент. А если это совсем не так?..

– Не знаю... Но знаю, что за последний месяц это у меня уже второй молодой мужчина, которого убили ударом по голове, причем подручным средством.

– А тебе было бы приятнее, если бы его пристрелили из ружья? – хмыкнул Мирошниченко. – И что там слышно от Гаврилина с его криминалистами?

– Пока ничего. Но думаю, еще сегодня что-нибудь услышу.

* * *

Гаврилин объявился уже совсем вечером. На вопрос: «Чем порадуешь?» отреагировал с хохотком:

– Я тебе не наш шустрый Юрий Дмитрич. Это он – разрезал, посмотрел: все внутренности на месте, только в голове дырка. А у нас, криминалистов, приборы... процессы... на это время нужно. Но без информации – предварительной! – подчеркнул Паша, – не оставлю. Значит, я и еще двое наших ребят из лаборатории отработали и тренажерный зал, и рядом. Я тебе для наглядности сейчас видео скину.

В Верином планшете блякнуло, и на экране высветился зал. Он представлял собой прямоугольник с тренажерами, полками с гантелями, гириями и прочими фитнес-приспособлениями, включая мячи разной величины. На противоположной от входной двери стене – большие окна, затянутые металлической защитной сеткой, сквозь которые был виден стадион. Справа – глухой торец. Слева, на другой торцевой стене, – три двери. На крайней, ближе к окнам, висела табличка «Запасной выход», на той, что в середине, – «Тренерская», на третьей двери никакой таблички не было.

– То есть здесь четыре двери. Одна – из коридора в сам зал, ну и еще три внутренние. Ни одна не взломана. Ото всех есть ключи у охраны, мы их и взяли. Замки самые обычные, ничего навороченного. Но, видимо, это без надобности, войти в спорткомплекс можно только через охрану и турникет. И обязательно в бахилах, чистоту блюдут. В зале – никаких следов драки или еще чего подобного. Следов волочения тоже нет. Положение тела – как будто человек стоял, получил удар и упал. Но одет Марычев был не во что-то спортивное, а во вполне цивильное – джинсы и рубашку. На ногах – чистые кроссовки, не уличные, уличные мы потом в бахилах в тренерской нашли. Рядом с телом обнаружили гантель. На ней кровь Марычева, а больше никаких следов нет. От слова «совсем». Чего не может быть по определению, если прикинуть, сколько человек в тренажерном зале эту гантель в руках держали.

– То есть убийца гантель тщательно протер, но кровь не стер, – заметила Вера.

– Ну как-то так... – согласился Гаврилин. – Может, боялся запачкаться... А может, решил, что смысла нет, главное – собственные следы уничтожить. И я сильно подозреваю, что нужных следов мы не найдем.

– Преступник был в перчатках?

– Судя по всему, нет.

– Во как?!

– Именно так. Если бы действовал в перчатках, зачем бы гантель тщательно протирали?

Да и не только гантель.

– Логично.

– Однако, судя по всему, он вообще мало к чему прикасался. На ручке и двери из коридора в зал множество смазанных отпечатков, но это понятно, куча народа хваталась. Дверь без таблички – это вход в подсобку. Там всякий инвентарь да еще пять больших ящиков из плотного картона, весьма несвежего вида. В них – тренажеры. Дверь эта была заперта, а на

ручках – довольно свежие отпечатки Марычева. А вот дальше – интереснее. Могу почти точно сказать, как преступник попал в спорткомплекс и из него вышел. Через запасной вход. Оттуда лестница идет на второй этаж прямо к тренажерному залу, причем дверь в сам зал не была заперта. Внизу на резиновом коврике я нашел три листика от дерева, немного грязи. Видимо, преступник занес на обуви, ночью ведь дождь шел. Но дальше грязных следов нет, наверняка бахилы надел, достаточно плотные, я такие потом видел в тренерской, на уличных кроссовках Марычева, они под вешалкой стояли. В здание преступника, судя по всему, запустил сам Марычев – через запасной вход. Уличная дверь там закрывается на магнитный ключ, как у домофона, а изнутри достаточно кнопку нажать. Так вот эта кнопка, так же как ручки двери из зала на лестницу, была тщательно вытерта. То есть преступник к ним прикасался. А вытирал чем-то хлопчатобумажным, пара синих ниток зацепились за одну из ручек.

– Логично... – повторила Вера. – Преступник спокойно мог выйти... и Марычев спокойно мог его запустить изнутри... Достаточно всего лишь кнопку нажать... Но вопрос: если Марычев на глазах охранников покинул здание, то как он там снова оказался?

– Очень просто. В кармане куртки Марычева мы нашли связку из четырех ключей от всех дверей зала и плюс один магнитный ключ – от запасного входа.

– Интересно, ему полагается иметь этот ключ или нет? Если вдруг надо в экстренном случае выпустить людей из здания, ключ, по идее, ему совершенно не нужен... – задумчиво произнесла Вера.

– Да, интересно, – согласился Гаврилин. – Но я тебе другое интересное расскажу. В метре от тела лежал большой гимнастический мяч, ну не такой, который пинают или бросают, а на котором пресс качают. Так вот под ним я обнаружил два звена от цепочки, по виду из золота, по размеру – не от собачьей, конечно, цепи, но и не от тоненькой.

– Значит, Луньков прав. Он шею Марычева рассмотрел, а там ссадина. Юрий Дмитриевич предположил, что на шее была цепочка, которую сорвали и кожу поранили.

– Очень похоже. По крайней мере, на звеньях сохранилась кровь. Наверняка Марычева, но это требует проверки.

– А кольцо мужское ты нигде не обнаружил? Луньков предположил, что Марычев постоянно носил кольцо на левом безымянном пальце, потому что руки загорелые, а на пальце светлая полоса. Но кольца на Марычеве не было.

– Правильно, – подтвердил Паша. – На руке не было, но кольцо имелось, печатка с монограммой ВМ. Мы его нашли в комнате тренеров в шкафчике Марычева на верхней полке. Я его, естественно, прихватил с собой. Похоже, там есть следы крови, но я внимательно посмотрю.

– А что-нибудь еще примечательное в тренерской ты нашел?

– А как же! Во-первых, сама комната – типа пенала, окно выходит в торец здания, оно было закрыто плотными жалюзи, хотя с улицы в окно смотреть-то некому. Внизу там неширокая грунтовка и дальше густой лес. В общем, довольно глухое место. Я тебе потом все видео пришлю. Электрический свет не горел, но не в темноте же Марычев раздевался? Значит, свет потом выключили. И это наверняка сделал преступник, потому что выключатель протерт. В самом зале свет тоже не горел, но вполне хватило бы освещения из тренерской. По крайней мере, дверь была нараспашку. И кстати, преступник за нее не хватался – ничего не затерто, есть отпечатки Марычева, еще одного мужчины и женщины.

– Это два других тренера, – сказала Вера.

– Сегодня проверить не успели, завтра сделаю. Теперь во-вторых, – продолжил Гаврилин. – В комнате есть три шкафчика, персональные тренерские. Два были заперты, но... они пальцем открываются, мы заглянули. Там женщина и мужчина свое барахлишко хранят, в том числе средства для душа, чистые кроссовки, спортивные штаны и по паре футболок. А в дверце шкафчика Марычева ключ в замке торчал, тоже чистенький, протерли его. То есть преступник туда заглядывал. И я даже догадываюсь – зачем. Он оттуда взял майку, которой все за собой

подтирал. Потому что в шкафчике висели двое спортивных брюк, но ни одной майки. Однако на нижней полке шкафчика стояла спортивная сумка, а в ее боковом отделе лежал мешок с двумя грязными майками, причем синими. Нитки, которые я обнаружил, скорее всего, от такой майки.

– Значит, преступник воспользовался не только подручными средствами, чтобы убить, но и чтобы уничтожить свои следы. Похоже на случайное убийство, – сделала вывод следователь.

– Ну, на что похоже, не знаю. А вот то, что гость Марычева был совсем не случайным, – это наверняка. В сумке, в основном отделе, мы нашли полиэтиленовые пакеты. И вот это еще один любопытный момент. В одном пакете лежали запечатанные нарезки довольно дорогих ветчины и сыра, запаянный в целлофан резаный батон, банка зеленых оливок и упаковка ананасового сока. Во втором – завернутые в салфетки два стакана, два столовых ножа, четыре вилки, несколько небольших тарелок и одноразовая скатерть. А в третьем, с логотипом магазина «Градус» и с чеком внутри, – бутылка виски West Cork. Ты в виски разбираешься?

– Не-ет... – призналась Вера. – Я его не пью.

– Я тоже не любитель, – поддержал Паша, – но в пакете чек лежал, так вот этот виски, конечно, не самый крутой, но и не копеечный – несколько тысяч стоит.

– О как?! – отреагировала Вера. – Угощение скромное по ассортименту, но вполне щедрое по затратам... по крайней мере, для простого тренера. Марычев явно знал, что его гость предпочитает хороший виски обычной водке, а зеленые оливки черным маслинам. И явно хотел гостя ублажить.

– Только не успел даже на стол накрыть, правда, сам стол, письменный, заранее освободил от всяких папок, мы их потом в общем шкафу нашли.

– Ну а еще что-нибудь особо интересное нашли?

– В кармане куртки, которая в тренерской на вешалке висела, – помимо ключей от тренажерного зала и запасного входа, обнаружили ключи, похоже, от дома, пластиковый пропуск в спорткомплекс, портмоне с банковской картой, несколькими скидочными карточками и тысячу рублями разными купюрами, а также мобильный телефон. Но телефон запаролен.

– Ну, на это у нас есть Морковин. Пусть разбирается.

Глава 7

Старшему оперуполномоченному уголовного розыска капитану Роману Леонидовичу Дорогину нравилось работать со старшим следователем майором Верой Ивановной Грозновой. Хотя это нравилось далеко не всем. Вроде бы нормальная тетка, говорили коллеги, перед начальниками шею не гнет, с операми уважительная, без подстав, с пониманием, но... какая-то заковыристая. Вроде ведет себя просто, а все время в напряжении: что выкинет да как вывернет. Там, где, казалось бы, водная гладь, она подводные камни ищет, где, напротив, эти самые камни из воды торчат, мимо проходит. С тем, на кого надо нажать, пушистую кошечку изображает, а тому, кто сам белый и пушистый, когти показывает. Однако надо признать: дела ей скидывают сложные, а висяков у нее мало.

Дорогину же следователь Грознова понравилась сразу, три года назад, – с ходу в одну сторону посмотрели, на одну дорогу ступили и зашагали дружно без всякого навигатора. Работали они вместе довольно часто (буквально недавно раскрыли убийство известного московского драматурга), и поначалу некоторые шептались: уж не роман ли у них? Но нет, никакого такого интереса они друг к другу не испытывали, но большими приятелями стали.

Вчера они созванивались несколько раз, Роман ценил, что Вера всегда старалась держать в курсе нового расследования до малейших подробностей, таким образом совершенно искренне подчеркивая, что он – напарник, а не мальчик на побегушках у следователя.

Последний раз Вера позвонила часов в девять вечера:

– Рома, ты дома?

– Дома.

– А я только с работы вышла, да еще надо собраться к завтрашнему. У меня к тебе просьба: поищи, есть ли у кураевского спорткомплекса сайт. Ну сейчас же у всех сайты. И посмотри: есть ли там фотография Марычева и есть ли на шее Марычева цепочка, увесистая такая? Не хочу по этому поводу сейчас Морковина дергать, он где-то на дне рождения, а к дежурному из его отдела обращаться тоже не хочу. Ты же знаешь, я люблю, чтобы все в одних руках было, так надежнее. Спасибо тебе заранее.

– Посмотрю, конечно, – пообещал Роман.

Вот за что, ко всему прочему, опер Дорогин ценил следователя Грознову, так это за способность просить и благодарить, когда вполне можно было отдавать распоряжения и воспринимать их выполнение как само собой разумеющееся. И – да, он знал: для нее очень важны личные отношения, работать она предпочитает с теми, к кому хорошо относится и полностью доверяет. Как однажды весьма зло сказал один из коллег Романа: у этой Грозновой чисто бабский подход – компашку из любимчиков все старается склотить. Ни для кого не было секретом, что Вера вышибла коллегу Дорогина из оперативно-следственной группы за пофигизм и грубость. Причем сделала это весьма беспощадно, чего от нее никто не ожидал. И это стало еще одной из причин, почему кое-кто предпочитал не связываться со следователем Грозновой.

Сайт у спорткомплекса действительно имелся, причем вполне приличный: без наворотов, но весьма информативный и удобный. Здесь содержались разделы, посвященные направлениям деятельности комплекса, а начиналось все с бассейна и тренажерного зала, что вызвало у Романа улыбку понимания: еще бы, ведь именно они прежде всего работали на коммерческой основе. В разделе «Тренажерный зал» под заголовком «Тренеры» размещались три фотографии в портретном формате, но по пояс, явно для демонстрации привлекательных торсов. В середине – женский портрет, по бокам – мужские, под всеми – подписи. Наименее выигрышно смотрелся А.А. Лапин, мужик лет сорока пяти с белесыми жидкими волосами и безликим лицом. Девушка посредине, Н.А. Кайгородова, была довольно симпатичная, с темными глазами, почти черными гладкими волосами, собранными, похоже, в конский хвост, и короткой

прямой челкой. Ну а самым первым располагался портрет весьма красивого bruneta с синими глазами – В.С. Марычев. Выглядел он, конечно, куда привлекательнее, нежели на фото, сделанном на месте преступления. Однако никакой цепочки у него на шее не было. Как не было ее и на фотографиях, где тренеры, в том числе Марычев, демонстрировали различные варианты занятий в тренажерном зале. На эту информацию Вера отреагировала без особой печали:

– Если цепь была, я думаю, найдется, кто ее видел. Морковин прошерстит интернет, соцсети, возможно, что-то обнаружит.

– Марычев мог просто не носить ее на работу, – предположил Роман.

– Однако если ее сорвали с шеи, то именно тогда, когда Виктор находился в тренажерном зале. Ну ладно, утро вечера мудренее.

* * *

В Кураевск выехали в семь утра. Последним загружался Гаврилин, который, засунув в багажник машины Следственного управления два контейнера для вещдоков, уселся на заднее сиденье, прижал к груди свой криминалистический чемодан, положил на него голову и сообщил:

– Буду спать. Я вчера уже ночью закончил работать, и впереди непонятно чего ждать.

– Мы тебя не потревожим, – обернулась с переднего сиденья Вера, но Паша ее не услышал. Он спал.

Роман беззвучно хмыкнул. Его всегда удивляла способность Гаврилина мгновенно отключаться и так же включаться в нужный момент.

Начало Кураевского района (о котором говорили как об очень зеленом и красивом) Роман обнаружил не только по информационному стенду на обочине, но прежде всего потому, что справа от трассы вдруг стеной поднялся лиственный-хвойный лес. И до того вдоль дороги росли деревья и кустарники, но они были более блеклыми и жидкими, а тут разом возник густой лесной массив, уходивший вглубь на недостижимое глазу расстояние и расцвеченный зелеными, бурыми, красными, желтыми красками. Красиво...

– Здесь и река с озерами, и грибы с ягодами, и охота с рыбалкой, – подал голос до сих пор молчавший водитель. – Я эти места хорошо знаю, у меня приятель здесь живет.

В сам Кураевск въехали, словно нырнули в аллею, обсаженную с двух сторон живой изгородью. Хорошо знающий места водитель без навигатора подкатил к площади, на которой стояло большое трехэтажное здание с надписью «Спортивный комплекс». Справа от него находилось двухэтажное здание с несколькими невыразительными вывесками, а слева – точно такое же здание с белыми буквами на синем: «Полиция».

На крыльце спорткомплекса Роман увидел сержанта, который охранял вход в здание, сидя на складном стульчике, а у входа в полицию – о чем-то беседующих двух лейтенантов. Машина остановилась, и почти тут же на пороге появился коренастый полковник в явно наспех наброшенной на плечи куртке. У него была фигура борца, массивное лицо и жесткий ежик полуседых волос. Лейтенанты мгновенно замолчали и подтянулись, однако полковник, не обратив на них внимания, быстрым шагом направился к машине, явно намереваясь открыть дверь даме. Но дама опередила, выскользнув из салона и протянув руку со словами:

– Олег Павлович Добрецов? Здравствуйте. Я – старший следователь майор Вера Ивановна Грознова.

Начальник РОВД осторожно тряхнул Верину ладонь.

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска облУВД капитан Дорогин, – представился Роман.

– Ну а нашего криминалиста из судебно-экспертного центра Павла Ильича Гаврилина вы, вероятно, уже знаете, – сказала Вера.

– Вчера познакомились, – отозвался полковник и добавил, обращаясь сразу ко всем: – Очень приятно.

Хотя было понятно, что ничего приятного он не видит. Не конкретно в данных людях, конечно, а исключительно в данной ситуации. Против этих троих он ничего не имел. По крайней мере, пока.

– Что ж вы на подъезде не позвонили? Хорошо, я вас из окна увидел. Где ваши вещи? Луцко! Петров! – обернулся Добрецов к продолжавшим топтаться лейтенантам. – Берите из машины вещи – и ко мне в кабинет!

– В багажнике два контейнера, осторожно с ними, – предупредил Гаврилин, не выпуская из рук свой чемодан.

– Насчет водителя не беспокойтесь, о нем позаботятся, автомобиль к нам во двор загоним. И все вам обеспечим.

– Спасибо за любезность, – улыбнулась Вера.

Добрецов бросил на нее быстрый удивленный взгляд. Роман мысленно ухмыльнулся: следователь Грознова в своем репертуаре, но этот репертуар явно озадачил полицейского полковника.

Кабинет начальника РОВД был похож на многие подобные кабинеты – то есть отдавал очевидной казенщиной.

– Прошу, располагайтесь. – Полковник указал на небольшой, явно рассчитанный на совещания в узком кругу, стол для заседаний. – А вы подождите в коридоре, – кивнул лейтенантам, один из которых принес контейнеры, а другой – дорожные сумки. – Я предлагаю для начала вам, – обратился он к Вере и Роману, – заселиться в наш гостевой дом, это у нас маленькая гостиничка... ну так... для своих... А вы, Павел Ильич, я так понимаю, снова в город уедете?

– Совершенно верно, – подтвердил Гаврилин.

– Ну и вот, и позавтракать не мешает, все-таки с дороги... У нас в гостевом доме главная Зоя Юрьевна Каблукова, отличная хозяйка и готовит очень вкусно.

– Мы сейчас в гостиницу не поедим, но, если можно, пусть туда отправят наши вещи, – сказала Вера.

– А я бы от кофе не отказался. У вас есть кофе? – спросил Гаврилин.

– А как же! У нас отличная кофемашинка, в прошлом году на День полиции подарили, – не без гордости заявил Добрецов. – Но если вы не хотите ехать на завтрак, то Зоя Юрьевна и это предусмотрела. – Полковник распахнул дверь и крикнул: – Луцко! Петров! Сюда ко мне Сидорчука и Людмилу! А вы в гостевой дом, Каблуковой вещи передадите, скажите, что заселятся позже.

– Только контейнеры оставьте! – крикнул вслед Гаврилин.

– Значит, Зоя Юрьевна на всякий случай кое-что передала. Сейчас... – Полковник выжидательно уставился на дверь, которая буквально через полминуты распахнулась, и на пороге появились молодой светловолосый капитан и миловидная девушка с погонами старшего лейтенанта. – Людмила, собирай на стол. А ты, Артем, давай сюда. Знакомьтесь, капитан Сидорчук, – представил Добрецов. – Он в этом деле с самого начала. Поступает в ваше распоряжение. Вы у нас впервые, а Артем все ходы-выходы знает. Так что будет оказывать всестороннее содействие.

– Так точно! – отозвался капитан.

– Ну коли вы нас решили накормить завтраком, может, подскажете, где у вас тут руки помыть? – поинтересовалась Вера.

– Да-да, – поддержали Дорогин с Гаврилиным.

– Я провожу, – вызвался Сидорчук. – И... – он покосился на Грознову, – женский туалет рядом...

– Отлично, – отреагировала Вера.

... – А туалет вполне приличный... чистенький, – оценил Паша, выдавливая из бутылки жидкое мыло.

– Ну так не глухая же деревня, где сортир деревянный за огородами, – сказал Роман, тщательно смывая мыло водой.

Гаврилин покосился на дверь, за которой деликатно остался провожатый, и, приблизившись к уху Дорогина, прошептал:

– Чует мое сердце, этот парень будет вам усердно помогать, но еще усерднее докладывать о каждом вашем вздохе начальству.

Роман кивнул. Именно об этом он подумал с самого начала. Хотя и без особой тревоги.

В кабинет начальника РОВД вернулись одновременно с Верой, причем к практически полностью накрытому столу. Белоснежная скатерть, расстеленная на столе заседаний, белоснежные, с тонкой золотистой каемкой чашки, тарелки и блюда с нарезками сырокопченой колбасы и твердого сыра, а также горячими пирожками. Совершенно очевидно, и скатерть, и сервизная посуда, и еда были подготовлены предусмотрительной Зоей Юрьевой.

Людмила, выполнив обязанности официантки, удалилась, а Сидорчука Добрецов придержал со словами: «Садись давай, тоже подкрепись», что вполне укладывалось в представление о роли капитана как человека, в данном случае находящегося на особом доверии у начальства. Впрочем, ничего такого-эдакого Роман в этом не усмотрел. Вполне расхожая ситуация, когда местные вынуждены иметь дело с чужаками, да еще и присланными сверху.

Кофе из кофемашины оказался вполне приличным, а пирожки и вовсе восхитительными. «Если нас и дальше будут так кормить, – подумал Роман, – то можно считать, мы не убийцу ищем, а гурманством занимаемся».

Минут через тридцать голос подал Гаврилин:

– Мне бы тренеров Лапина и Кайгородову сюда доставить, отпечатки пальцев надо снять.

– И переговорить с ними тоже надо, – кивнула Вера Дорогину.

– Организуем. А осматривать квартиру Марычева когда будете? – спросил полковник. – Я возле дома на всякий случай дежурного поставил.

– Чуть позже. Я прочитала вчерашний протокол следователя из межрайонного отдела, но хотела бы кое-что уточнить у охранников и директора спорткомплекса.

– Организуем, – повторил Добрецов. – Охранники на другом конце райцентра живут, пошлю за ними машину. Я их предупредил, чтобы никуда не отлучались и были на связи. А Возницын здесь недалеко живет и тоже ждет моего звонка.

– Прекрасно, – отреагировала Вера. – А какое-то помещение для работы выделите?

– Уже подготовил. Сейчас покажу комнату. А вас, – Добрецов кивнул Дорогину с Гаврилиным, – проводит Сидорчук. И останется в вашем распоряжении.

Глава 8

В комнате, которую оперативно-следственной группе предоставил начальник РОВД (два письменных стола, стол под оргтехнику, шкаф, сейф, шесть стульев, в том числе два крутящихся), явно сидели женщины, попытавшиеся хоть как-то обуздать казенную обстановку. На стенах висели два постера с осенним и весенним пейзажами, на подоконнике стоял горшок с пышным цветком.

– Устраивает? – спросил Добрецов.

– Всецело! – заверила Вера. – Большое вам спасибо.

– Всегда пожалуйста, – усмехнулся полковник и двинулся к выходу.

Однако Вера остановила:

– Олег Павлович, вы ведь навели обо мне предварительные справки?

– Навел, – после секундной паузы подтвердил Добрецов.

– И вам наверняка сказали, что я не стерва и не смотрю сверху вниз? Но при этом со мной далеко не все любят работать, потому что я, выражаясь современным языком, не формат? И что я из тех, кто мягко стелет, а потом неизвестно, придется ли вообще спать – хоть жестко, хоть мягко?

– Нечто в этом роде...

– Так вот я хочу с вами, Олег Павлович, сразу определиться. Я терпеть не могу крутых с гнутыми пальцами. Я не люблю скандалы и вообще конфликты с теми, кто рядом. Я ни на кого не наезжаю, по крайней мере без крайней нужды, хотя у меня достаточно твердый характер. Я стараюсь быть достаточно открытой, конкретной, вежливой и любезной. И это не хитрость, а... проявление эгоизма. Мне так комфортнее. А работать я предпочитаю в состоянии внутреннего комфорта, потому что так я работаю наиболее эффективно. И все это я говорю вам, Олег Павлович, для того, чтобы вы не искали двойное-тройное дно. Нам нужно полное взаимопонимание. Согласны?

Полковник вновь усмехнулся:

– Договорились. – И добавил: – Охранников скоро подвезут.

Стражи спорткомплекса (постарше и помоложе) появились минут через тридцать, установились на следователя с настороженным недовольством и тут же забурчали на два голоса:

– Так мы же все вчера рассказали...

– Ну да, следователь тут у нас выпрашивал...

– А мы больше ничего не знаем...

– И если кто-то думает, что мы тут каким-то боком...

– Стоп! – прервала Вера, но не резко, а с некой успокаивающей интонацией. – Очень хорошо, что вы все рассказали по горячим следам моему коллеге, но я следователь из областного управления Вера Ивановна Грознова и хочу еще раз вас послушать и кое-что уточнить. Так что вам совершенно незачем беспокоиться. Присаживайтесь. – И она кивнула на стулья.

От миролюбивого тона Веры охранники малость расслабились и уселись напротив стола с видом людей, которых подозревать не в чем, а соответственно, и им самим скрывать нечего.

Следователь Коноплянников провел опрос охранников (и директора спорткомплекса тоже) грамотно, но так, как действует человек, который знает, что дело заберут, значит, оно не его, и потому можно ограничиться формальностями. Впрочем, ничего удивительного: это Грозновой дана привилегия полностью сосредоточиться на одном деле, у Коноплянникова же наверняка целая подборка, а потому он и не стал особо напрягаться.

Ничего принципиально нового охранники не сообщили, но Вере требовались уточнения.

– То есть вы уверены, что Марычев последним покинул здание и никто не мог там остаться? – спросила она.

– А чего нам быть не уверенными? – удивился старший. – Перед ним ушла вторая тренерша, а перед тренершей тетка, которая в тренажерку ходит.

– И которая была вся в слезах? – напомнила Вера. – Не знаете, случайно, отчего она так расстроилась?

– Да мы чего, спрашивали ее, что ли? Не наше это дело! – отрезал старший, а младший добавил:

– И вообще, у нас техника. Сколько человек по пропускам и карточкам зашло, столько и вышло. Если бы не сошлось, компьютер бы показал. Мы всегда сверяем.

– А потом все равно делаете обход помещений? – спросила Вера.

– Сразу после одиннадцати. Ну, это чтобы проверить: может, кто двери забыл запереть.

– Но в тренажерном зале дверь была заперта, – уточнил младший.

– А если в зале свет был включен, вы бы увидели?

– Нет, там плотные двери, без щелей.

– А снаружи вы обход здания делаете?

– Нет у нас такого в инструкции, – сказал старший. – В залах на первом и втором этажах на окнах решетки изнутри, ну, в основном чтобы эти спортсмены чем окна не побили. И даже в бассейне. Администрация сидит на третьем, а бухгалтерию и кабинет директора вообще на сигнализацию ставят.

– А видеочамера у вас только на главном входе?

– И еще над главным входом на стадион. А больше нигде нет.

– Ну и как, по-вашему, можно пройти в здание, если не через вас?

Охранники переглянулись.

– Только через запасные входы, – предположил младший. – Их два, в торцах здания. Там лестницы. Одна как раз напрямую в тренажерный зал ведет. Там замки... ну, как на домофонах. Изнутри выйти не проблема, на кнопку нажал, и готово. А снаружи нужно «таблетку» приложить... ну то есть магнитный ключ.

– И у кого такой ключ имеется?

– У охраны и у директора, а больше ни у кого.

– Точно? – Вера подумала про ключ, найденный у Марычева.

– Точно. У нас порядок, – уверенно заявил старший и тут же напрягся. – Но если вы считаете, что мы... то нечего нас подозревать. Мы ключ никому не давали, у нас вчера все проверили, все на месте.

– Я вас вовсе не подозреваю, – успокоила Вера. – Но я вас еще хочу спросить про Марычева, – резко сменила она тему. – Он вообще как... не конфликтным был?

Охранники пожали плечами.

– Нормальным он был мужиком, шутил с нами даже иногда... – сказал младший. – А как с другими... Нет, ничего такого мы не знаем... Ничего такого, по крайней мере в нашу смену, а мы работаем сутки через двое, не видели и не слышали.

– Так мы с ним в приятелях и не ходили, – добавил старший. – А всякие слухи-сплетни... до нас не долетали. Да мы их и не ловили. Нам зачем?

Охранники, подписав протокол, с явным облегчением покинули кабинет, окончательно рассеяв туман лишь в одной точке: Марычев мог вернуться в тренажерный зал только через запасной вход.

* * *

Директор спорткомплекса появился сразу после охранников, даже не дожидаясь приглашения. Он явно старался выглядеть спокойным, однако получалось не ахти. Лицо было напря-

женным, уголки губ подрагивали, на слегка обвислых щеках проступали розовые пятна. Возницын сел на крутящийся стул и принялся машинально елозить пальцами по брючинам.

– Вас очень расстроила смерть Марычева? – с ходу задала вопрос Вера.

– Очень! – горячо отреагировал Илья Семенович.

– Вы дружили?

– Не-ет... – мотнул он головой. – Я вообще не знаю, дружил ли Виктор с кем-то. Но вот работником был!.. – Директор вдруг разом успокоился и даже (как показалось) вдохновился. – Виктор приехал около двух с половиной лет назад. Если надо, я в кадрах дату, когда его оформили, выясню. Но точно в самом начале июня. Потому что в мае тренер из зала уволился, в город перебрался, и я вообще-то в сложную ситуацию попал. Один тренер, Лапин, приходит к открытию, но и уходит обычно не позже четырех. А другой тренер, вернее тренерша, Кайгородова, работает по договору три раза в неделю, после шести вечера. У нее основное место в школе, физкультуру она там преподает. Ну и что мне было делать? Зал же не закроешь и без присмотра не оставишь. Пытался крутиться, из секции бокса тренеру предлагал полставки... У нас ведь не город, и у нас не магазин, просто так нужного человека не найдешь. А тут появляется Виктор. Да с таким послужным списком! Был тренером, причем с профильным физкультурным образованием, управляющим фитнес-центром, «Супер-Фит» называется... Я в интернете посмотрел: очень солидный фитнес-центр!

– И вас не удивило, что такой человек вдруг объявился в Кураевске да еще и работу ищет?

– Удивило, конечно. Чай, не мальчик, да к тому же много лет спорткомплексом руковожу, между прочим, лучшим среди сельских районов, – не без гордости уточнил директор. – Да только Виктор мне сразу рассказал, отчего кулбит такой сделал. Сам он из маленького городка, уж не помню какого, после педуниверситета нашел работу в этом самом «Супер-Фит», думал своим жильем обзавестись, да все как-то было боязно в ипотеку влезать, в общем, обходился съемной квартирой. А потом женился, у жены была своя хорошая квартира, карьеру стал делать, до управляющего дорос. Ну а потом жена заявила, дескать, другого встретила и подала на развод. И бывшего мужа, соответственно, турнула. И он остался ни с чем, поскольку деньги-то себе на черный день не откладывал, все в семью нес. А тут еще этот «Супер-Фит» перепродали, и дело ясное: меняется хозяин, меняется и управляющий. Ну, Виктор подумал и подался в Кураевск. Здесь ему тетка полдома отписала, есть где жить. В Кураевске он бывал, ему наш райцентр нравился. Опять же спорткомплекс у нас лучший, то есть...

– А про детей Марычев ничего не говорил? – прервала Вера.

Возницын задумался.

– Не-е-ет... ничего такого не говорил. В паспорте никаких отметок не было, да сегодня вроде бы перестали эти отметки ставить... И по исполнительному листу он никакие алименты не платил, я бы знал, у нас в бухгалтерии все четко.

– А как вы отреагировали, когда узнали, на ком Марычев был женат? Насколько я поняла, это произошло достаточно случайно, ваша дочь вам сказала?

– Ну да, дочка из города приехала, зашла ко мне на работу и увидела внизу, где у нас фотографии тренеров, портрет Виктора. А дочка много лет ходит в «Супер-Фит», где работал Виктор. И там все знали, кому фитнес-центр принадлежит и на ком женился Виктор. А как я отреагировал?... Честно говоря, я сначала ничего об этом Дымарцеве знать не знал, дочка опять-таки прояснила. Оказывается, там такие дела делались!.. Потом-то уж следить стал... Много было шума... всякого разного... А поначалу несколько растерялся. Хотел сделать вид, будто ничего не знаю, а затем подумал, что это довольно глупо, надо объясниться, а то еще возникнут всякие кривотолки.

«Ну конечно, – мысленно усмехнулась Вера, – еще какие кривотолки. Директор не знает, какого сотрудника взял, можно сказать, с улицы».

– И что же Марычев? – «подтолкнула» она. – Явно не обрадовался?

– Еще бы! – воскликнул Возницын. – Искренне расстроился. И все честно мне рассказал. Да, ничего не говорил по поводу Дымарцева, но ведь никто и не спрашивал. А самому-то зачем? В конце концов, он за тестя, особенно бывшего, не ответчик, а массу неприятностей уже получил. Жена выгнала, ни в один нормальный фитнес-центр устроиться не смог – то ли слухи быстро разбежались, то ли кто поспособствовал...

«Две версии одного развода, – прикинула следователь. – По версии Марычева, выгнала жена. По версии Дымарцева, муж сам сбежал. Правда, пока непонятно, играет ли это какую-то существенную роль в убийстве».

– В общем, Виктор просил меня сохранить все в тайне. И я не считал, что он просит меня о чем-то недопустимом! – Прозвучало это с вызовом. – Правда, я все-таки переговорил с Олегом... ну то есть с Добрецовым... Он пообещал кое-что выяснить... А где-то через пару дней мне сказал, что в деле Дымарцева члены семьи никак не фигурируют и что действительно зятем был Виктор Марычев. Ну, я дальше уже помалкивал и дочке наказал язык прикусить.

– Тем более, насколько я понимаю, Марычевым вы были довольны? – уточнила Вера.

– Еще бы! Ведь тренажерный зал – это в основном коммерческое направление. И все доходы идут напрямую спорткомплексу. А Виктор, между прочим отличный тренер, так развернулся!.. Вот что значит опыт! И новые программы, в том числе индивидуальных тренировок, и рекламные акции!.. В общем, за первый год его работы доходы от тренажерного зала возросли на тридцать четыре процента! А в целом за два с лишним года на семьдесят восемь!

– Какая точность! – оценила Вера.

– Я же директор! Я за финансы отвечаю! – удивился реакции следователя Возницын.

– Понятно. В общем, Марычев был хорошим тренером с предпринимательским размахом.

– Вот именно! И когда с его бывшим тестем все утряслось... Да причем так... – Илья Семенович запнулся, розовые пятна проступили на щеках, пальцы прошлились по брючинам. В общем, явно почувствовал, что запросто поставит следователя в неловкую ситуацию, а это в данный момент совсем ни к чему. – Я опасался, что тестя поспособствует, его дочка помирится с брошенным мужем и Виктор вернется в город. А я себе другого такого точно не найду, – признался Возницын. – Но обошлось... Виктор даже не заикался о бывшей семье. Но и я с ним тоже – ни-ни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.